И. И. Проходцовъ.

5617
92/47.3
П-42 И
5617

А. Д. ПОВАЛИШИНЪ.

род. 15 Іюля 1844 г. † 17 Іюля 1899 г.

Изъ Трудовъ Высочайше утвержденной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

Научно-Краеведческое Книгохранилище
5617

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

И. И. Проходцовъ.

596.

92/47.38)
П-42К.

А. Д. ПОВАЛИШИНЪ.

род. 15 Іюля 1844 г. † 17 Іюля 1899 г.

5617

Рязанское Научно-Краеведческое
5617
Книгохранилище

Изъ Трудовъ Высочайше утвержденной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Научная библиотека ОГУ

Отдѣльный оттискъ изъ „Трудовъ Ряз. Учен. Архивн. Комиссіи“
за 1899 г. вып. 2.

А. Д. Повалишинъ

род. 15 Іюля 1844 г. † 17 Іюля 1899 г.

Сошелъ въ могилу Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ. Въ лицѣ почившаго Рязань лишилась такого общественнаго дѣятеля, утрата котораго будетъ ощущаться во всѣхъ частяхъ мѣстной общественной жизни долгіе годы. Умеръ такой человѣкъ, который на своихъ плечахъ въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ несъ иниціативу многихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій; умеръ такой человѣкъ, съ именемъ котораго связано все, что было сдѣлано въ мѣстной общественной жизни дѣльнаго, успѣшнаго и разумнаго. Умеръ одинъ человѣкъ, а его утрата чувствуется во многихъ частяхъ мѣстной общественной сферы: она чувствуется въ земской, городской, правительственно-общественной жизни и въ мѣстномъ ученомъ обществѣ, въ коемъ онъ состоялъ Предсѣдателемъ. Александъ Дмитріевичъ – это была разумная, несокрушимая сила, творческая мощь которой оставляла свои благія плоды во всемъ... и умеръ онъ во дни безвременья,—когда въ мѣстной общественной жизни ему не явилось замѣны: впрочемъ, и рано, слишкомъ еще рано, уснули въ немъ силы могучія, слишкомъ рано порвались въ немъ мысли жгучія.

Александръ Дмитріевичъ – это можно сказать была личность культурная въ самомъ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Культурность эта проявилась у него въ той интенсивной работѣ, въ которой онъ съ особою настойчивостью отстаивалъ и проводилъ въ общественную жизнь лучшія традиціи лучшихъ временъ и лучшихъ людей Россіи,—особенно той Россіи, какою она стала послѣ эпохи великихъ реформъ. Къ мѣстной общественной жизни у Ал. Дм. всегда замѣтно было самое серьезное, живое, горячее и вдумчивое отношеніе. Всякое сколько нибудь выдающееся явленіе мѣстной дѣйствительности привлекало его интересы и вызывало въ немъ или поощреніе, или активное участіе въ его развитіи. Я разумѣю тѣ явленія мѣстной общественной жизни. въ которыхъ проявляются начала серьезныя, начала благороднаго разума, гуманнаго сердца.

И всюду, куда вносилъ Ал. Дм. свои мысли, свои взгляды, свои силы, свою дѣятельность, можно быть увѣреннымъ, что дѣло это пой-

детъ, разовьется, выраститъ. И мало того, что онъ самъ отзывался на извѣстное дѣло, или принималъ въ немъ активное участіе,—онъ умѣлъ привлечь къ нему другихъ;—да, онъ умѣлъ не охладить, но пріучить, привлечь къ серьезной работѣ другихъ. Подъ вліяніемъ своего широкаго природнаго умственнаго кругозора Ал. Дм. съ необыкновенною проницательностью умѣлъ и среди людей отличить и выбрать такихъ, которые будутъ полезны для того или другого рода дѣятельности, и умѣлъ цѣнить такихъ людей, какъ никто. И хорошо съ нимъ было работать, потому что онъ, при всей его мощи, безъ всякой зависти, умѣлъ отмѣтить, выдвинуть, показать и работы другихъ. Александръ Дмитріевичъ неоднократно говорилъ на собраніяхъ Ученой Архивной Комиссіи: одинъ человѣкъ ничто, какъ бы ни былъ онъ способенъ, силенъ, если онъ не имѣетъ поддержки въ другихъ лицахъ,— въ помощникахъ, въ своихъ сотрудникахъ. Вотъ напримѣръ, что буквально говорилъ онъ, въ качествѣ Предсѣдателя Архивной Комиссіи, на годовомъ засѣданіи Комиссіи 22 февраля 1897 г., когда благодарная Архивная Комиссія, останавливаясь на особенномъ оживленіи своей дѣятельности, по случаю особеннаго отношенія къ ней Ал. Дм., какъ Предсѣдателя, преподносила ему званіе Почетнаго Члена,—Ал. Дм., между прочимъ, говорилъ: каковы бы ни были личныя старанія и усилія того или другого лица—онѣ однѣ никогда не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, если не будутъ сопровождаться поддержкою со стороны всего учрежденія... Каждое общество тогда можетъ развиться глубоко, пустить корни и приносить пользу, когда соединяетъ въ себѣ и вокругъ себя большее или меньшее количество живыхъ и дѣятельныхъ силъ, служащихъ залогомъ его развитія и преуспѣянія. Говорилъ онъ это тогда, когда всѣмъ и каждому ясно было, что дѣло идетъ, главнымъ образомъ, благодаря его личнымъ усиліямъ, его особенной заботливости, его опытности, его умѣнью, его, знанью и его матеріальнымъ средствамъ. Онъ вездѣ былъ тѣмъ скромнымъ, не кричащимъ о себѣ, но связующимъ импульсомъ, тою концентрическою точкой, каковыя такъ необходимы для развитія и преуспѣянія всякаго общественнаго дѣла. Вотъ почему, послѣ смерти его разъединенныя еще общественныя единицы, особенно въ Архивной Комиссіи, гдѣ былъ онъ Предсѣдателемъ, лишившись съ нимъ и въ немъ импульса къ личному почину въ томъ или иномъ направленіи своей дѣятельности,—того почину, который давалъ, главнымъ образомъ, Ал. Дм., до сихъ поръ еще не могутъ придти въ себя и не найдутъ для себя исходной точки опоры...

Я не могу не признаться, какъ еще трудно анализировать событіе утраты А. Д. Повалишина, которое только еще завершилось. Трудно дѣлать подробную, хладнокровную характеристику утраченнаго дорогого лица и оцѣнивать дѣятельность человѣка, который еще такъ недавно

былъ среди насъ, велъ впередъ наше общество. Да и кто, кромѣ этого, не согласится съ тѣмъ, что сама личность Ал. Дм. какъ то трудно поддается такому анализу, дробному анализу. Эта была натура прежде всего замкнутая въ себѣ... Замкнутая, но вмѣстѣ и натура поражавшая васъ своею особенною цѣльностью, непосредственною прямотою и большимъ природнымъ умомъ. Ал. Дм. не былъ человѣкомъ компромиссовъ. Выше всего онъ ставилъ человѣческую личность и терпѣть не могъ лжи и пустой балтовни,—не могъ терпѣть до такой степени, что даже, по прямотѣ натуры своей, не умѣлъ скрывать отвращенія къ такимъ людямъ, притворяться любезнымъ и быть терпѣливымъ и снисходительнымъ къ подобнымъ людскимъ слабостямъ. Этимъ онъ часто производилъ не въ свою пользу непріятное впечатлѣніе на людей, привыкшихъ въ свѣтски любезнымъ, доходящимъ до лживости, общеніямъ между собою. Но что дѣлать съ непосредственною прямотою натуры! Трудно съ ней бороться и зачѣмъ бороться: развѣ прямота и правдивость дурныя качества! хотя оцѣнить ихъ могутъ немногіе рѣдкіе люди. Ал. Дм. говорилъ всегда только то, что думалъ и даже не умѣлъ скрывать того, что приходило ему въ голову, называя вещи ихъ собственными именами. Въ немъ былъ всецѣло воплощенъ типъ граждански — зрѣлаго дѣятеля, въ которомъ мы такъ нуждаемся. Онъ былъ всегда на сторонѣ тѣхъ лицъ, которые искренно и честно трудятся на общую пользу—на пользу народа и особенно его просвѣщенія. Для него все равно, кто и что были эти лица! Занимали ли какое либо большое положеніе въ такъ называемомъ „обществѣ“, или „меньшая братья“,—онъ цѣнилъ въ людяхъ личность, дѣловитость, работоспособность, а не общественное положеніе. Къ послѣднимъ, по той же прямотѣ натуры и правдивости, онъ относился даже строже и требовательнѣе. Въ работѣ Ал. Дм. отличался дѣятельностью рѣдкою по силѣ и энергіи и продуктивности труда. Онъ умѣлъ руководить работой и вмѣстѣ съ тѣмъ работать какъ рѣдкій по трудоспособности рядовой работникъ. И „работалъ ли онъ, говоритъ кн. Н. С. Волконскій въ некрологѣ, помѣщенномъ въ Вѣст. Европы 1899 г. № 9 стр. 417—18, въ качествѣ члена нашей молодой адвокатуры, однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей которой онъ сталъ тотчасъ по вступленіи своемъ въ сословіе прямо съ университетской скамьи, въ такое время, когда нашъ обновленный судъ впервые знакомилъ населеніе съ пріемами правосудія; въ качествѣ ли гласнаго земскихъ собраній, энергическаго участника въ коллективныхъ усиліяхъ лучшихъ представителей населенія создать лучшія условія общественной жизни; въ качествѣ ли управляющаго рязанскимъ отдѣленіемъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ, должность которую онъ занялъ, по выходѣ изъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ, въ 1890 году: вездѣ тотъ же упорный продуманный трудъ, поглощавшій всю душу человѣка, сопровождалъ его обильную результатами дѣятельность. Съ 10-ти лѣт-

няго возраста начался этотъ трудъ; съ 14-ти лѣтняго онъ уже долженъ былъ давать средства для матеріальной поддержки семьи, съ 26-ти лѣтняго возраста, при благопріятныхъ условіяхъ ранняго брака, трудъ этотъ рано окончательно установился, принялъ трезвое дѣловое направленіе и окончился лишь за нѣсколько минутъ до послѣдняго кровоизліянія, положившаго конецъ и работѣ и жизни этого человѣка. Представить себѣ Александра Дмитріевича безъ работы было рѣшительно невозможно". Въ послѣдніе дни и даже часы работалъ онъ съ небывалымъ подъемомъ духа, не чувствуя усталости. Онъ спѣшилъ окончить надуманную имъ лѣтъ десять тому назадъ литературную работу: „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные". Задумавъ эту работу, онъ около 10 лѣтъ собиралъ для нея матеріалы въ рязанскихъ архивахъ: правительственныхъ и частныхъ фамильныхъ. Въ нынѣшнемъ 1899 г. онъ думалъ трудъ свой окончить (весь трудъ долженъ быть болѣе 30 печатныхъ листовъ) и уже начатъ печатаніемъ въ „Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи"... Объ немъ мы еще будемъ говорить потомъ.

Въ 1844 году 15 Іюля въ г. Спасскѣ Рязанской губерніи, въ убогомъ деревянномъ домикѣ, у канцелярскаго служителя Спасскаго Уѣзднаго Земскаго Суда Дмитрія Алексѣевича Повалишина и жены его Надежды Яковлевны родился сынъ первенецъ Александръ.

Убогій видъ имѣетъ городъ: ни въ немъ нѣтъ особыхъ и видныхъ зданій, ни того обилія церквей, которыми такъ украшаются города,— одинъ Соборъ съ длиннымъ шпилемъ, видный издалека, высится надъ низенькими домиками одного типа съ повалишинскимъ на городской площади, да гдѣ то тамъ утонула въ чащи деревьевъ маленькая деревянная кладбищенская церковь. Убогій городъ... На за то по естественной красотѣ мѣстоположенія и здоровымъ гигіеническимъ условіямъ съ нимъ едва-ли можетъ сравняться другой какой городъ. Въ лѣтнее время — лучшаго дачнаго мѣста не нужно: здѣсь къ услугамъ вашимъ подъ руками: рыбная ловля, охота съ ружьемъ по многочисленнымъ озерамъ въ заливныхъ пріокскихъ лугахъ, красивые виды на окрестности, ароматъ луговъ и влажный воздухъ отъ обилія воды кругомъ. Самъ городъ расположенъ на самомъ высокомъ берегу спасскаго городскаго озера, а тамъ, немного дальше, причудливо извивается красавица Ока, а за нею, на крутомъ берегу, высится обширный кремль столицы Рязанскаго княжества. Ока огибаетъ городъ Спасскъ и его окрестности съ трехъ сторонъ, оставляя одну четвертую сторону свободною. За то съ этой стороны къ городу примыкаетъ густой лѣсъ разныхъ породъ. Что можетъ быть красивѣе этого мѣстоположенія во время разлива! Какъ хорошо любоваться на него съ высокаго берега! Большая очная

вода, направляясь черезъ цѣлую систему озеръ, проходитъ подъ самымъ городомъ по руслу городскаго озера и здѣсь начинаютъ сновать взадъ и впередъ разныя суда. Ранней весной спасскій бугоръ ранѣе всего открывается отъ снѣга, когда весеннее солнце начинаетъ грѣть и ласкать его песчанную поверхность. Но вотъ весна въ полномъ разгарѣ: воздухъ и вода не колышатся. И по спокойной глади водяной поверхности быстро и ровно бѣгаютъ рыбачьи лодки. Сходитъ вода, встанетъ въ берега, рыболовы уходятъ въ очное русло и въ озеро къ Волчьей ямѣ, о ихъ прибываніи тамъ и сямъ горятъ раскинутые по берегу костры изъ божьяго дерева или богородичной травы. Костры видны и у Волчьей ямы (названіе мѣстнаго урочища) и у Курулова *). Сколько во всемъ этомъ прелести для дѣтскаго возраста! А все дѣтство Александра Дмитріевича прошло въ этой благодатной, здоровой и красивой мѣстности, въ этомъ привольи воды, луговъ и лѣсовъ. Правда, семья Ал. Дм. жила въ крайней степени бѣдно и скудно, не смотря на обиліе кругомъ всякой рыбы, птицы и звѣря, такъ какъ всетаки все это нужно было купить на деньги, а жалованья получалось отцомъ не болѣе 10 – 15 руб въ мѣсяцъ. Какъ хорошо нужно знать не высшую, а практическую математику, чтобы на эти деньги съумѣть свести концы съ концами. Но тѣмъ и хорошо дѣтство, что въ дѣтскомъ возрастѣ бѣдность не такъ ощутительна: дороже приволье луговъ и воды. И, дѣйствительно, эти блага природы—широкое раздолье и непринужденная простота жителей уѣзднаго городка благодѣтельно подѣйствовали на дѣтское развитіе—физическое и психическое—Ал. Дм., не заковывая его въ тѣсныя рамки скученности и приличій большихъ городовъ. Вся эта простота, свобода и ширь поднебесная и заложили въ Ал. Дм. крѣпкій фундаментъ того честнаго, независимаго и прямолинейнаго характера, которымъ онъ отличался во всю свою жизнь. Такая роскошная природа создаетъ людей съ поэтическимъ и художественнымъ чутьемъ. Но, разумѣется, всякій кто зналъ Ал. Дм. въ послѣднее время удивился бы, если я сдѣлалъ попытку видѣть въ немъ поэта или художника. Эстетика никогда не была спеціальностью Ал. Дм., онъ не былъ ея страстнымъ поклонникомъ. Онъ не писалъ томныхъ поэтическихъ сочиненій „съ луною“, „при лунѣ“, „и соловьяхъ“, напротивъ, его сочиненія всегда отличались сухостью, точностью, сопровождались фактами и цифрами, цифрами и фактами. Но Ал. Дм. не чуждъ былъ той „гражданской скорби“ (высшій поэтическій даръ), которая такъ цѣнится и даже рѣдка въ наше время. Онъ имѣлъ страстный темпераментъ, способный любить беззавѣтно, всѣмъ сердцемъ,

---

*) А. Н. Левашевъ, уроженецъ г. Спасска и товарищъ дѣтства А. Д. Повалишина, въ своихъ „Охотничьихъ расказахъ“, говоритъ, что Курулово „это мечта рыбаковъ, заманчивый уголокъ Оки, недалеко отъ впаденія въ нее Прони“.

кого полюбитъ, и столь же сильно ненавидѣть. Поэтому онъ всегда круто расходился съ людьми ему несимпатичными во взглядахъ и направленіяхъ на общественной аренѣ; но за то онъ былъ непоколебимо вѣрный товарищъ, беззавѣтно любящій другъ всякаго, въ кого онъ не извѣрился, кого считалъ одушевленнымъ тѣми же идеями. Годы жизни, суровые и тяжелые рабочіе годы, „проклятые“ общественные вопросы, отвѣтственность человѣка предъ себѣ подобными отнимали у него все его время. Ему нѣкогда было штудировать еще поэтовъ страстной, но плотской любви, поэтовъ искусства для искусства — занятія праздныхъ барыней; — ему нужно было рѣшать и не принципіально, а подробно и практически такіе вопросы, какъ напр. о нормѣ обложенія, о формѣ счетоводства, о необремененіи повинностями земскихъ плательщиковъ и т. п. Вѣчно сосредоточенному, внимательному работнику, Александру Дмитріевичу, не было времени и охоты *только* любоваться на мечтательную луну „мечтать не досужно, дѣло дѣлать нужно“. „Человѣкъ прежде всего и послѣ всего работникъ здѣсь на землѣ. Безъ работы онъ никому и ни для чего не нуженъ, въ немъ одна тягость, Все сводится къ работѣ, ей только должно все служить“. Вотъ простой и совершенно понятный теоретическій принципъ и девизъ жизни Ал. Дм., изложенный имъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ въ прошлый годъ изъ Петербурга (Европейская гостинница), когда онъ больной вызванъ былъ туда участвовать въ работахъ по дѣламъ банка, въ качествѣ опытнаго и свѣдующаго управляющаго. „Больной человѣкъ, безъ работы онъ никому не нуженъ, онъ всѣмъ въ тягость“, писалъ онъ дальше въ этомъ письмѣ. Но стоило этому неустанному работнику и проповѣднику постояннаго труда для отдыха вырваться за городъ, напр. во время его поѣздокъ на археологическія раскопки, такъ Ал. Дм. „на лонѣ природѣ“ радовался какъ ребенокъ. Куда дѣвались его постоянная серьезность и сосредоточенная вдумчивость. А. Д. любилъ природу и любовался ею; вдыхалъ полною грудью свѣжій и ароматный воздухъ полей, луговъ, лѣсовъ и часто повторялъ въ упоеніи: ахъ, какъ хорошо! Какъ прекрасно подышать свѣжимъ воздухомъ! Во время археологическихъ работъ,— которымъ онъ лично никогда не отдавался, а сопровождалъ членовъ—археологовъ для отдыха,—А. Д. бродилъ по лугу или по полю или, наконецъ, уставши, ложился на спину и, съ открытою блаженною улыбкою, любовался на сводъ небесный: что думалъ онъ, какія мысли занимали его!!...

Съ дѣтства Ал. Дм. обращалъ на себя вниманіе всѣхъ своимъ природнымъ умомъ и способностями, трудолюбіемъ и аккуратностію, твердостью характера и серьезностью. И всѣ эти таланты могли бы

остаться безъ приложенія къ дѣлу, безъ школьнаго развитія, вслѣдствіи бѣдности его родителей, если, къ счастью, Ал. Дм., какъ дворянинъ, не попалъ въ одно изъ воспитательныхъ заведеній, устроенныхъ рязанскимъ дворянствомъ. Въ дворянствѣ отецъ Ал. Дм., начавъ дѣло еще въ 1831 году, утвердился окончательно въ 1847 г. по дѣду Александра Дмитріевича Алексѣю Яковлевичу Повалишину. Дѣдъ Ал. Дм. Алексѣй Яковлевичъ Повалишинъ, поступивъ на службу въ 1795 г. въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, былъ выпущенъ изъ него въ бывшій Московскій гарнизонный Архаровскій полкъ, въ коемъ былъ произведенъ прапорщикомъ въ 1797 г. и подпоручикомъ въ 1798 г., а въ іюлѣ 1799 г. онъ былъ отъ службы отставленъ. Изъ дѣтей Алексѣя Яковлевича извѣстны двое сыновей—Дмитрій, рожденный 25 сентября 1816 г. и Михаилъ. Дмитрій Алексѣевичъ, отецъ Ал. Дм., какъ видно изъ дѣла Рязанскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія 1839 г. за № 1787,—объ утвержденіи его съ братомъ Михаиломъ въ правахъ дворянства по отцу ихъ Алексѣю Яковлевичу, кончилъ курсъ въ Рязанской губернской гимназіи, и служилъ канцелярскимъ служителемъ въ Спасскомъ Уѣздномъ Судѣ. Средствъ никакихъ не имѣлъ. Въ своемъ прошеніи о внесеніи его въ родословную книгу Дмитрій Алексѣевичъ такъ и заявлялъ, что „по неимѣнію съ братомъ Михаиломъ никакого имѣнія и состоянія онъ денегъ представить въ дворянскую казну не можетъ“. Дѣло это за недоставленіемъ какихъ то документовъ затянулось надолго. Дмитрію Алексѣевичу по службѣ не везло: онъ былъ женатъ на Надеждѣ Яковлевнѣ, имѣлъ двухъ сыновей Александра, рожденнаго, какъ видѣли, въ г. Спасскѣ въ 1844 г. и Михаила—въ 1846 г., а былъ еще въ 1847 г., какъ видно изъ его прошенія въ Депутатское Собраніе, съ представленіемъ документовъ для утвержденія его въ правахъ дворянства, канцелярскимъ служителемъ того же Уѣзднаго Суда. Семейство его прибавлялось и естественно бѣдность становилась еще ощутительнѣе. А вотъ пришла пора отдавать дѣтей въ школы. Вѣроятно, благодаря бѣдности отца, Александръ Дмитріевичъ получилъ бы окончательное образованіе въ единственномъ Спасскомъ приходскомъ училищѣ, если бы, какъ мы выше сказали, не дворянство его, въ которомъ отецъ Александра Дмитріевича окончательно утвердился въ 1847 г. Для воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ существовало въ Рязани Александровское дворянское воспитательное заведеніе, основанное Рязанскимъ дворянствомъ на 100 бѣдныхъ мальчиковъ сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей дворянъ. Въ Александровское заведеніе на правахъ бѣднаго дворянина былъ помѣщенъ Александръ Дмитріевичъ. Инспекторомъ дворянскаго Александровскаго воспитательнаго заведенія состоялъ Ѳ. Т. Смирновъ, человѣкъ, пользовавшійся особенною любовью какъ своихъ питомцевъ, такъ и всей просвѣщенной Рязани „за свое просвѣщенное и благородное направленіе и истинную

любовь къ труду на пользу общественную". Объ Ѳ. Т. самъ Александръ Дмитріевичъ Повалишинъ отзывался съ самой лучшей стороны. Въ своей ст.: „Состояніе Рязанской губерніи въ половинѣ 19 столѣтія (1848 – 1873 г.г."), А. Д. Повалишинъ, говоря о времени вступленія Ѳ. Т. Смирнова, во 2 половинѣ 50-хъ годовъ, при губернскомъ предводителѣ дворянства А. В. Селивановѣ, въ должность инспектора Александровскаго дворянскаго заведенія, добавляетъ нѣсколько теплыхъ словъ о своемъ любимовъ воспитателѣ. „Это было, говоритъ онъ, въ то время, когда наступило пробужденіе общества, послѣ погрома Крымской компаніи, и свѣжій и бодрый духъ того времени имѣлъ лучшимъ своимъ выразителемъ Смирнова. Онъ былъ просвѣщенный и гуманный человѣкъ, чуждый всякихъ крайностей, изъ какого бы лагеря они не происходили изъ либеральнаго, или консервативнаго. Зная хорошо причины тогдашняго неустройства общества, онъ былъ самый убѣжденный, искренній и горячій сторонникъ реформъ, и около него группировалось все то, что въ то время считалось мыслящимъ и честнымъ: передовая часть служилаго сословія, дворянство и лица учебнаго вѣдомства, которое обновилось притокомъ въ гимназіи молодыхъ, хорошихъ силъ. *Вліяніе его на молодежь того времени было сильное и самое благотворное.* Самъ, свыкнувшись съ крайней нуждой, зная ее съ малолѣтства, Ѳ. Т. умѣлъ цѣнить нужды другихъ и умѣлъ облегчить эти нужды тѣмъ, кто прибѣгалъ къ его помощи". Вотъ гдѣ и въ комъ нужно искать источникъ и залогъ тѣхъ хорощихъ и честныхъ задатковъ, которые А. Д. Повалишинъ со школьной скамьи старался потомъ проводить въ жизнь. Если бы неизвѣстно было, что эти слова относятся къ Ѳ. Т. Смирнову, можно было бы подумать, что эти добрыя слова сказаны кѣмъ либо объ А. Д. Повалишинѣ, такъ много у воспитанника въ общественной жизни было общаго съ воспитателемъ.

Получая въ Александровскомъ заведеніи пищу, одежду, каковая состояла изъ куртки съ черными брюками и черной шинели съ краснымъ воротникомъ, и книги, воспитанники Александровскаго воспитательнаго заведенія учиться водились въ мѣстныя учебныя заведенія. Александръ Дмитріевичъ, окончивъ предварительно приходское училище, поступилъ въ Рязанское уѣздное (тогда это было послѣдовательнымъ переходомъ въ гимназію), которое было тогда 4-хъ классныхъ. Но Ал. Дм., пройдя эти четыре класса, кромѣ этого, лишній годъ оставался въ IV кл., землемѣромъ, существовавшемъ при Рязанскомъ уѣздномъ училищѣ для желающихъ. Изучалъ алгебру, геодезію, ситуацію, черченіе и межевые законы, разумѣется былъ и на практическихъ занятіяхъ, которыя предлагались каждому курсу въ лѣтніе мѣсяцы,—ходилъ въ полѣ съ цѣпью, вехами и астралябіей. Спеціальное образованіе это представляло довольно большія служебные

выгоды: можно было, пройдя помощника, стать и землемѣромъ при Губернскомъ Правленіи,— но Александру Дмитріевичу, какъ воспитаннику дворянскаго заведенія, предоставлялась и болѣе широкая дорога поступить, при его большомъ природномъ умѣ, въ гимназію. Гимназія въ то время была 7-ми классная, при чемъ до 4 класса дѣлилась на два отдѣленія: пансіонское и гимназическое. Въ первые классы гимназіи тогдашняго времени поступало учиться много народа: большинство все дѣти разныхъ баръ; разночинцевъ было мало, а крестьянъ совсѣмъ не было. Баричи, обучившись грамотѣ, счисленію и, пробывъ въ гимназіи 2—3 года, переходили въ другія привелегированныя учебныя заведенія; такъ что къ 4 классу оба отдѣленія уже по малочисленности сливались вмѣстѣ. Александръ Дмитріевичъ поступилъ въ 4 классъ гимназіи. Съ этого класса ученики гимназіи подраздѣлялись на два разряда: одни были классики, учились латыни, а другіе законовѣды—учились законовѣдѣнію, не учась латинскому языку. Учащіеся латинскому языку предрѣшали себѣ этимъ прямой путь въ университетъ. А. Д. учился латыни, значитъ имѣлъ въ виду поступить и въ университетъ. Но, по окончаніи гимназическаго курса, удалось ему это не сразу. Нужно было добыть нѣсколько денегъ, хотя бы на проѣздъ до университетскаго города и на первое жительство въ надеждѣ найти тамъ уроки. И онъ, по окончаніи курса, поступаетъ въ репетиторы къ г. Стерлигову, помѣщику Старой Рязани.

Мысль объ университетѣ глубоко, гвоздемъ, сидѣла въ головѣ А. Д., хотя матеріальная необезпеченность была къ тому сильнымъ тормазомъ. Какія могъ дать ему средства отецъ, продолжая службу въ томъ же уѣздномъ городѣ, съ кучей дѣтей. Можетъ быть было и не мало со стороны родителей попытокъ къ уговорамъ, чтобы старшій сынъ, получивши уже право гимназіи, поступалъ на службу, хотя бы въ цѣляхъ подмоги родителямъ. Это общее явленіе дѣтей бѣдныхъ родителей. И у Александра Дмитріевича могло быть много колебаній— итти или нѣтъ въ университетъ (своего рода— „быть или не быть“) противъ воли родителей. Но А. Д. имѣлъ непреклонную волю, независимый характеръ и натуру съ самыми лучшими и благороднѣйшими задатками, поддерживаемыми условіями времени 60-хъ годовъ, захватившихъ всю молодую и лучшую Россію въ стремительный потокъ освободительнаго движенія. Кто и теперь изъ насъ не слышитъ и не восхищается этой великой эпохой великихъ реформъ! „Шестидесятые годы! говоритъ объ нихъ авторъ задушевнѣйшихъ историческихъ справокъ изъ эпохи великихъ реформъ Гр. А. Джаншіевъ,— какое это чудное и чудное непонятное для насъ, для нашего бѣднаго вѣрою и воодушевленіемъ поколѣнія, время идеаловъ, время титановъ мысли, гигантовъ вѣры, богатырей дѣла! Въ какіе нибудь 3—4 года уничтожаются: и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, и старый инквизиціонный судъ,

и насаждается самоуправленіе и нѣкоторое подобіе свободы печати. Что это за кипучая и всеобъемлющая дѣятельность по обновленію всѣхъ отраслей общественной и частной жизни, начиная отъ законодательства и литературы и кончая домашнею обстановкою и семейными отношеніями, начиная отъ философскихъ системъ и кончая дѣтскими пеленками (Джаншіевъ „изъ эпохи велик. реф.“ 1892 г. стр. 242). „Болѣе великаго момента, говоритъ въ очеркахъ русской жизни, вспоминая объ этой эпохѣ, нашъ незабвенный публицистъ Н. В. Шелгуновъ,— какъ этотъ переходъ отъ идей крѣпостнаго права и служилаго государства къ идеѣ новаго государства, въ нашей исторіи не было, да, пожалуй, и не будетъ; но мы, современники этого перелома, стремились къ личной общественной свободѣ и работали только для нея, конечно, не имѣя времени думать, дѣлаемъ ли что нибудь великое или невеликое, мы просто стремились къ простому, и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно“. Въ это время общественная жизнь всюду пробудилась отъ своей вѣковой спячки. Это было какое то стихійное увлеченіе, какое-то неотразимое дѣйствіе неизвѣстно откуда нахлынувшихъ волнъ тепла и свѣта, глубоко и сильно отозвавшихся и на всегда воспріимчивой душѣ пылкой молодежи. Всюду и всѣ ясно чувствовали вѣяніе новаго времени. Всѣ почувствовали какой-то необыкновенный подъемъ духа и притокъ силъ, потребность и способность мыслить, говорить и дѣйствовать, чуть не совершать подвиги (Джаншіевъ тамъ же).

Всѣ эти „стихійныя“, „неотразимыя“, новыя вѣянія не могли не проникнуть въ юную, „воспріимчивую“ душу Александра Дмитріевича еще въ гимназіи и воспитательномъ заведеніи, гдѣ былъ, по выраженію Александра Дмитріевича, такой просвѣщенный, увлекающійся новыми вѣяніями и группирующій вокругъ себя молодежь, воспитатель, какъ Ѳ. Т. Смирновъ, о которомъ начальникъ губерніи того времени упоминалъ во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ, какъ о человѣкѣ всѣми любимомъ „за свое просвѣщенное и благородное направленіе и истинную любовь къ труду на пользу общественную“. Да, вполнѣ могли проникнуть. Въ одномъ и томъ же зданіи, гдѣ помѣщалось Александровское заведеніе, гдѣ жилъ А. Д., еще въ 1858 г. и даже ранѣе въ 1857 г. выслушаны были Рязанскимъ дворянствомъ копіи съ манифестовъ Государя Императора для нѣкоторыхъ губерній, гдѣ помѣщики изъявили готовность улучшить бытъ своихъ крестьянъ. Помѣщики Рязанской губерніи, имѣя въ виду желаніе Государя улучшить бытъ крѣпостныхъ крестьянъ и считая для себя волю Государя священною, тотчасъ съѣхались въ губернскій городъ для сужденія по по сему предмету. Въ 1858 г. составился Комитетъ, избранный Рязанскимъ дворянствомъ для составленія проекта положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Комитетъ этотъ въ Рязани

открытъ былъ 26 Августа 1858 г. подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства. Засѣданія были бурныя и продолжались въ теченіи 4 мѣсяцевъ. Въ 1860 г. въ губерніи были всеобщія ожиданія преобразованія быта помѣщичьихъ крестьянъ: крестьяне, ожидая освобожденія отъ крѣпостной зависимости, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ производили работы нерадиво, или уклонялись совсѣмъ отъ исполненія ихъ и производили волненія и окончились счастливо положеніемъ 19 февраля 1861 г. *).

Если среди простаго народа, вслѣдствіе первыхъ рескриптовъ, циркулировали толки о предстоящихъ реформахъ, хотя порою окрашенные нелѣпыми и темными слухами; а въ обсужденіи вопроса о реформахъ съ 1858 г. допущена *гласность*,—то все это свободно проникало въ гимназію и воспитательное заведеніе, такъ какъ они не были интернатомъ совершенно обособленнымъ отъ міра и людей: и ни одна свѣтлая мысль, ни малѣйшее отраженіе общественнаго движенія не проходили незамѣченными въ юныхъ и пылкихъ душахъ питомцевъ рязанскихъ школъ. Такъ что гимназисты 13—14 лѣтъ могли знать все, что дѣлается въ мірѣ божіемъ,—почерпнувъ всѣ эти новыя свѣдѣнія о реформахъ отъ своихъ отцовъ и матерей, знакомыхъ и товарищей, а передовыя свѣдѣнія: 1) отъ воспитателя Ѳ. Т. Смирнова, о которомъ, какъ мы видѣли, самъ А. Д., его воспитанникъ, говорилъ, что этотъ просвѣщенный и гуманный человѣкъ былъ лучшимъ выразителемъ 60-хъ годовъ; самымъ убѣжденнымъ, искреннимъ и горячимъ сторонникомъ реформъ и около него группировалось все то, что въ это время считалось мыслящимъ и честнымъ (Тр. Арх. Ком. 1895 г. вып. 2, стр. 273) и во 2-хъ въ литературномъ кружкѣ сестеръ Хвощинскихъ и Заіончковскаго.

Для меня, впрочемъ, остался пока невыясненнымъ вопросъ о личномъ участіи самого А. Д. въ этомъ послѣднемъ просвѣщенномъ кружкѣ. Но что тамъ бывали многіе гимназисты и эти гимназисты дѣлились получаемыми свѣдѣніями съ товарищами,—объ этомъ неоднократно разсказывалъ самъ А. Д. Отъ Хвощинскихъ получались гимназистами свѣжія новости изъ общественной и литературной жизни и книжки новыхъ журналовъ. Роль литературы, разъясняющей и развивающей планъ полнаго освобожденія крестьянъ, была въ то время громадна. Особенно Современникъ и Русскій Вѣстникъ горячо ратовали противъ крѣпостническихъ тенденцій въ правительствѣ и литературѣ. А. Д. съ дѣтскихъ лѣтъ сдѣлался благоговѣйнымъ поклонникомъ великихъ реформъ. Чтеніе великаго акта 19 февраля 1861 г. А. Д. слушалъ 5 марта 1861 г. въ рязанскомъ каѳедральномъ соборѣ. Объ этомъ самъ А. Д. разсказывалъ: Манифестъ читалъ протодіаконъ своимъ громовымъ голосомъ.

---

*) Эти волненія крестьянъ по Ряз. губ. описаны въ сочиненіяхъ А. Д. Повалишина.

Послѣднія слова Манифеста особенно врѣзались тогда въ память его и каждаго; „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ православный народъ и призови съ Нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго". Манифестъ этотъ былъ всюду развѣшанъ по Рязани на стѣнахъ и столбахъ и вездѣ около него толпились кучки народа: одинъ читалъ, другіе слушали.

Воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ днѣ русской жизни для А. Д. было самымъ радостнымъ и памятнымъ, хотя, можетъ быть, въ то время онъ, будучи еще $16^1/_2$ лѣтъ, и немогъ отнестись къ этому грандіозному историческому моменту съ полнымъ сознаніемъ... Но потомъ въ періодъ зрѣлости и полнаго возмужанія изученію этого вопроса по матеріаламъ мѣстныхъ архивовъ и личнымъ воспоминаніямъ А. Д. посвятилъ много времени, а значеніе этого великаго акта онъ предполагалъ описать въ послѣднемъ трудѣ „Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные", который, кажется, имъ такъ и не оконченъ.

Освобожденіе крестьянъ повело за собою, конечно, и послѣдующія реформы. Съ освобожденіемъ крестьянъ сдѣлалась необходимой судебная реформа. До этого времени для милліоновъ народа были единственными судьями помѣщики. Въ собраніи узаконеній и распоряженій Правительства за 1862 г. подъ 29 сентября объявлены были основныя положенія преобразованія судебной части. Реформы судебныя помимо своего историческаго значенія давали молодежи много надеждъ на честное и обезпеченное матеріальное существованіе.

Все это, разумѣется, во время проживанія А. Д. у Стерлигова, рѣшило разъ навсегда судьбу его: во чтобы то ни стало поступить въ университетъ и именно на юридической факультетъ. Выборъ университета палъ на Петербургскій, такъ какъ въ Петербургѣ онъ видѣлъ матеріальную поддержку въ своемъ родственникѣ г. Виноградовѣ и дядѣ проф. С.-Петербургскаго университета И. Я. Горловѣ. Первый обѣщалъ помѣстить его у себя, а черезъ второго можно было добыть уроки.

А. Д. поступилъ въ Петербургскій университетъ послѣ уже бурной эпохи университетскихъ смутъ 1861 г., когда университетъ дѣйствовалъ обновленный и преобразованный на основаніи новаго устава 1863 г. Въ составъ университетскихъ профессоровъ входили тогда лучшіе ученые того времени: Андріевскій, Неволинъ, Порошинъ, Владиславлевъ, Устряловъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Срезневскій, Сухомлиновъ и Горловъ. Объ двухъ изъ этихъ проф. Андріевскомъ и Горловѣ А. Д. отзывался съ особымъ уваженіемъ. Петербургъ былъ тогда административнымъ центромъ эпохи великихъ преобразованій. Всюду „новымъ духомъ вѣяло", даже въ канцеляріяхъ за департаментскими

столами. Всюду отыскивали честныхъ людей для предстоящаго устройства новаго суда. Молодой студентъ Повалишинъ могъ мечтать, что черезъ три—два года и онъ вступитъ въ число лицъ дѣйствующей арміи суда независимаго, суда скораго, суда милостиваго. Весь 1865 г. въ Петербургѣ на глазахъ студента Повалишина прошелъ въ подготовленіи къ новому суду: приспособлялось подъ судъ зданіе стараго арсенала на Литейномъ. А. Д. Повалишинъ, будущій юристъ практикъ, какъ будто причастный къ дѣлу усердный архитекторъ, часто ходилъ, во время прогулокъ, на Литейный посмотрѣть, что дѣлается на постройкѣ суда. Изъ Рязани также писали А. Д. радостную вещь о томъ, что на родинѣ подъ зданіе суда приспособляютъ домъ, гдѣ было училище канцелярскихъ служителей.

На 17 апрѣля 1866 г. назначено было открытіе первыхъ судебныхъ установленій въ Петербургѣ. Большинство студентовъ толпилось по Литейному проспекту, желая хотя бы издали слиться съ тѣмъ торжествомъ, которое должно было происходить въ день открытія. Въ С.-Петербургѣ въ это время, достопамятное время, стояла отвратительная погода—съ утра дулъ холодный вѣтеръ, и шелъ дождь и снѣгъ. Повалишинъ былъ въ толпѣ студентовъ. Въ началѣ втораго часа стали подъѣзжать къ зданію новаго суда послы, члены Государственнаго Совѣта, сенаторы и новый судебный персоналъ съ Министромъ Д. Н. Замятнинымъ во главѣ. Еще часъ, другой, и въ толпѣ заговорили о рѣчахъ и адресахъ, произнесенныхъ на открытіи. „На вашу долю выпалъ завидный жребій, говорилъ Министръ Юстиціи Замятнинъ и слышались въ толпѣ пересказы студентовъ его рѣчи,—провести въ жизнь многознаменательныя слова Августѣйшаго Монарха: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“. Вамъ ввѣряется охраненіе самыхъ священныхъ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, общества и цѣлаго государства. Государь и съ нимъ вся Россія ждутъ отъ васъ водворенія суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ“. На другой день этою рѣчью, полностью напечатанною въ журналѣ Министерства Юстиціи 1866 г. № 4, зачитывались студенты. Русская печать, безъ различія оттѣнковъ, и въ стихахъ и въ прозѣ привѣтствовали это радостное событіе. Разумѣется все напечатанное читалось и перечитывалось каждымъ студентомъ.

Съ понятнымъ любопытствомъ, потомъ, слѣдило общество за первыми тогдашними процессами: залы судебныхъ засѣданій ломились отъ напора жаждавшихъ посмотрѣть на новую обстановку и формы суда праваго и милостиваго. Каждая адвокатская и прокурорская рѣчь составляли событіе дня: явились любимцы публики. Всѣ газеты переполнялись судебными процессами. Даже дамы заговорили объ нихъ въ салонахъ. Нѣтъ словъ, что студентъ Повалишинъ, будущій судебный дѣятель, упивался этими процессами, учился на нихъ; и въ немъ

рось поклонникъ, и не поклонникъ только, а убѣжденный сторонникъ новаго суда, каковымъ онъ и былъ потомъ по гробовую доску. Студенческая жизнь его проходила въ дорогихъ мечтахъ, когда и онъ станетъ проводить въ жизнь, въ общество дорогіе завѣты новаго суда, въ качествѣ присяжнаго; непремѣнно въ этомъ званіи. Онъ видѣлъ, какъ въ судахъ ратоборствовали за правду, за литераторовъ за лучшихъ людей, попавшихъ въ процессы по недоразумѣнію, лучшіе люди того времени: К. К. Арсеньевъ, А. М. Унковскій, В. Д. Спасовичъ и др. И тогда же Александромъ Дмитріевичемъ рѣшено было окончательно, что онъ будетъ адвокатомъ.

Въ 1868 году А. Д. Повалишинъ кончилъ курсъ С.-Петербургскаго университета и возвратился въ Рязань, гдѣ и прошла, предъ нашими глазами, вся его дѣятельность, посвященная рязанскимъ общественнымъ нуждамъ. А. Д. возвратился въ Рязань изъ университета какъ разъ кстати Еще въ концѣ 1866 года въ Рязанской губерніи введена была судебная реформа по уставамъ 20 ноября 1864 г. Этого времени немного потомъ коснулся А. Д. въ своихъ литературныхъ работахъ, а именно въ ст. „Состояніе Рязанской губерніи въ половинѣ XIX в.“, когда заговорилъ о своемъ дорогомъ воспитателѣ Ѳ. Т. Смирновѣ, (Т. К. 1895 г. вып. 2, стр. 273), который, по времени открытія Рязанскаго суда, былъ назначенъ членомъ онаго. „Дѣятельность вообще судей того времени, вспоминаетъ А. Д. тамъ же, подъ предсѣдательствомъ В. Г. Коробьина, за чрезвычайно рѣдкими, исключеніями была безукоризненна“. Такъ вотъ въ это новое время обновленнаго суда и въ эту лучшую судебную корпорацію того времени вступаетъ Повалишинъ, сначала въ качествѣ помощника у присяжнаго повѣреннаго Гобято, а потомъ и присяжнаго, состоя въ этомъ званіи около 23 лѣтъ.

Въ этой должности Александръ Дмитріевичъ прежде всего былъ безкорыстнымъ, но дѣятельнымъ, просвѣщеннымъ и гуманнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ – однимъ изъ видныхъ представителей идей новаго суда и энергичнымъ служителемъ адвокатскому дѣлу. Относительно всякаго дѣла, которое попадало къ нему въ руки, можно было впередъ сказать, что оно будетъ обслѣдовано тщательно и изучено всесторонне, съ свойственнымъ Повалишину замѣчательнымъ трудолюбіемъ и въ довѣршеніе разрѣшено вполнѣ безпристрастно безъ всякихъ компромиссовъ съ долгомъ и совѣстью, неподкупною никакими адвокатскими гонорарами. Какъ адвокатъ А. Д. обладалъ всѣми нужными для судебнаго дѣятеля этого рода качествами—твердостью убѣжденій и независимостью характера. При большихъ природныхъ дарованіяхъ и настойчивости въ трудѣ Повалишинъ отличался довольно рѣдкою гибкостью умственнаго аппарата, корректностью, стройностью, содержательностью и логичностью рѣчи и строгостью мышленія.

Дѣлъ у него было немного, онъ бралъ не всѣ дѣла, съ которыми являлись къ нему кліенты, и при томъ тѣ дѣла, которыя онъ велъ, далеки были отъ всего сомнительнаго, такъ какъ никакихъ, говорили мы, сдѣлокъ съ совѣстью онъ не допускалъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ А. Д. выступалъ очень рѣдко, гражданская практика была главнымъ занятіемъ адвокатской его карьеры. Какъ адвокатъ онъ пользовался заслуженною извѣстностью и уваженіемъ всей судебной корпораціи и просвѣщенной Рязани, стоя всегда за идеи чести, торжество правды и добросовѣстность. Послѣ всего этого едва ли нужно еще подводить итоги адвокатской дѣятельности этого убѣжденнаго и стойкаго человѣка.

Параллельно съ его адвокатской дѣятельностью шла земская. Впрочемъ, въ послѣднюю дѣятельность вступилъ А. Д. нѣсколько позже, но пріобрѣлъ этою дѣятельностью значенія гораздо больше. Какъ земскій дѣятель онъ всегда держалъ высоко и незапятнанно знамя земской чести. Зная земское дѣло, какъ немногіе, Повалишинъ, благодаря корректности дара слова, способности отчетливо разъяснять самые сложные вопросы и глубокой убѣжденности въ важности обязанностей возлагаемыхъ на земство, умѣлъ убѣждать въ этомъ и людей, мало сочувствующихъ земской дѣятельности. Въ составъ губернскаго земства Повалишинъ въ первый разъ вступилъ въ 1874 г. Рязанскому земству доходило тогда уже цѣлое 10-лѣтіе. Въ лицѣ своихъ лучшихъ дѣятелей—земцевъ, какъ кн. С. В. Волконскій, А. И. Кошелевъ, Д. Д. Дашковъ и др. Рязанское губернское земство, по выраженію Д. Л. Мордовцева (см. книгу: Десятилѣтіе Русскаго Земства стр. 214), было *„солью“* Русскаго Земства, *„интеллигентною и политическою солью* всей русской земли“. Рязанское земство, писалъ далѣе Д. Л. Мордовцевъ, было однимъ изъ особенно выдающихся своею самобытностью отношенія къ дѣлу, зоркостью общественнаго глаза и политическимъ тактомъ... Подъ руководствомъ вышепомянутыхъ лицъ, и особенно кн. С. В. Волконскаго, проходилъ Повалишинъ первую земскую школу, дѣлалъ первые шаги земской дѣятельности. „Немногіе гласные теперешняго Рязанскаго губернскаго земскаго собранія помнятъ, говоритъ въ некрологѣ кн. Н. С. Волконскій (сынъ С. В. Волконскаго; Н. С. вступилъ въ губ. земство въ качествѣ гласнаго на три года ранѣе Повалишина), какъ Повалишинъ въ первый разъ, поступивъ въ 1874 г. въ составъ этого собранія, сидѣлъ цѣлое трехлѣтіе молча, прислушиваясь къ происходившимъ преніямъ, мастерски излагая ихъ ходъ въ тѣ многочисленныя засѣданія, когда ему случалось быть секретаремъ собранія“. Молчаніе его было совершенно естественно и понятно; какъ молчаніе новичка: онъ учился и было, дѣйствительно, чему поучиться, въ образцовомъ Рязанскомъ земствѣ. „У Рязанскаго земства вообще есть чему поу-

читься, говоритъ Д. Л. Муромцевъ, (не Новалишину только добавимъ мы. а) остальнымъ земствамъ“ (стр. 231—242). „Весьма многія земства могли бы взять у рязанцевъ, хотя на прокатъ нѣсколько вопросовъ, поставленныхъ имп на очередь, и попробовать разрѣшить ихъ сообразно мѣстнымъ условіямъ“ (Мордовцевъ: 10 лѣтіе рус. зем. стр. 242).

Въ первое же трехлѣтіе новичекъ земскаго дѣла, мало знакомый съ нимъ практически, знакомится сразу съ надѣлавшимъ столько шума въ земской Россіи „Обзоромъ земской дѣятельности Рязанской губ. за 10-лѣтіе съ 1866 по 1875 г.“, составленнымъ предсѣдателемъ губернской управы кн. С. В. Волконскимъ. Это большое счастье для новаго гласнаго выслушать итоги дѣятельности на рязанской общественной нивѣ со дня основанія изъ устъ человѣка, который весь былъ отданъ земской дѣятельности, руководилъ все время земскимъ дѣломъ. И эта небольшая, но капитальная, по собраннымъ и умѣло освѣщеннымъ богатымъ даннымъ книга (10-лѣтіе ряз. зем.) перваго предсѣдателя земства кн. С. В. Волконскаго захватывала всѣхъ симпатичностью, тою теплотою и искреннею любовью къ дѣлу, которыя заставляли вѣрить, что рязанское земство имѣетъ и хорошую будущность. Поразительно—живая и дѣльная рѣчь князя Волконскаго навсегда стала памятной и путеводною звѣздою всей земской дѣятельности Александра Дмитріевича. Потомъ, когда наконецъ, по выраженію кн. Волконскаго—сына „нѣмой гласный“ (А. Д. Повалишинъ) заговорилъ и сталъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ земскаго дѣла въ губерніи, даже единственнымъ въ этомъ отношеніи, съ которымъ спорить почти не приходилось, ибо всякій вопросъ послѣ рѣчи Повалишина оказывался настолько выясненнымъ и исчерпаннымъ, что оставалось только голосовать его, когда можно сказать стало уже мало вопросовъ въ губерніи, которые бы получали постановку безъ его дѣятельнаго участія, благодарный ученикъ—земецъ душой посвятилъ свой первый земскій трудъ памяти учителя земца кн. С. В. Волконскаго, взявъ исходной точкой для всего труда большую выписку изъ того самого Обзора, той первой замѣчательной лекціи учителя, которая послужила краеугольнымъ камнемъ во главу угла всей его, Повалишина, земской дѣятельности. Трудъ этотъ „Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи Рязанскаго земства“, предполагающій обнять всю дѣятельность губернскаго земства, расчитанъ имъ только исключительно на *знатоковъ и любителей* земскаго дѣла и посвященъ первому и лучшему знатоку земскаго дѣла. А. Д. Повалишинъ, при посвященіи (во введеніи), говоритъ: „при разсмотрѣніи всей дѣятельности губернскаго земства, нельзя отрѣшиться отъ имени и дѣятельности того лица, которое положило начало всему дѣлу, которое давало починъ по всѣмъ крупнымъ вопросамъ, которое обставило это дѣло такъ, что въ любомъ важномъ

вопросѣ можно найти почву для дальнѣйшей разработки его. Вотъ почему дѣятельность собранія перваго десятилѣтія такъ поучительна и такъ необходима для изученія всякому, кто серьезно смотритъ на земское дѣло. При изученіи матеріаловъ для исторіи земства Рязанской губерніи я не могъ отрѣшиться отъ дѣятельности иниціатора въ дѣлѣ самыхъ важныхъ и самыхъ крупныхъ вопросовъ земства, не могу отрѣшиться и кончая свою работу, а потому по праву эта работа посвящается памяти перваго и самаго выдающагося дѣятеля земства, князя Сергѣя Васильевича Волконскаго“ (стр. VIII).

Сравнивая характеристику дѣятельности лучшаго земскаго работника перваго предсѣдателя губернской управы кн. С. В. Волконскаго, сдѣланную А. Д. Повалишинымъ въ другомъ мѣстѣ, въ ст. „Состояніе Рязанской губерніи въ половинѣ XIX в.“ *) съ тою характеристикою земской дѣятельности Ал. Дм., которую далъ выше нынѣшній предсѣдатель губернской управы кн Н. С. Волконскій, мы придемъ къ тому, что оба эти покойника по силѣ и продуктивности земскаго труда должны быть поставлены рядомъ **) и оба связаны между собою въ

---

*) «Въ основѣ земской дѣятельности кн. Волконскаго лежитъ изученіе дѣла. Безъ этого изученія, безъ приведенія въ извѣстность того, каковы дѣйствительныя нужды земства, и какъ удобнѣе и практичнѣе удовлетворить его потребности,—С. В. не дѣлалъ своему собранію никакихъ предложеній. И нельзя не признать, что это изученіе было въ высшей степени серьезное, разработка вопросовъ чрезвычайно добросовѣстная, а нѣкоторые доклады Управы—просто мастерскіе. Но при такомъ серьезномъ изученіи дѣла оказалось, что нуждъ земскихъ очень много, а средствъ очень мало. Обстоятельство это не могло быть не принято во вниманіе при разрѣшеніи вопроса о порядкѣ удовлетворенія этихъ нуждъ. Необходимость вынуждала не разбрасываться средствами, а сосредоточиваться на удовлетвореніи нуждъ неотложныхъ, не забывая въ тоже время и другихъ неудовлетворенныхъ потребностей, но стремясь и ихъ удовлетворить *постепенно*, по мѣрѣ расширенія средствъ. Въ этомъ только смыслѣ и можно говорить о предпочтеніи однихъ вопросовъ другимъ; такъ какъ въ смыслѣ важности ихъ всѣхъ для дѣла, нельзя найдти ни одного, который бы обойденъ, или забытъ, всѣ они или были разрѣшены своевременно, или получили прочное основаніе для разрѣшенія. Съ этой стороны нельзя не признать, что *починъ* въ возбужденіи, разработкѣ и рѣшеніи самыхъ важныхъ земскихъ вопросовъ всегда принадлежалъ С. В. Дѣятельность собранія состояла лишь въ томъ, что оно указывало управѣ, въ какомъ направленіи вопросы эти должны быть разработаны. При разрѣшеніи этихъ задачъ С. В. никогда не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности и нѣтъ такого дѣла, которое имъ было бы начато и не доведено до конца; въ этомъ отношеніи энергія С. В. была неисчерпаема». А. Д. Повалишинъ: Состояніе Ряз. губ. во 2 половинѣ XIX ст. Тр. Ком. 1895 г. вып. 2, стр. 274—75).

**) Кн. С. В. Волконскій клалъ «въ основу изученіе земскаго дѣла»... «изученіе это было въ высшей степени серьезное, разработка вопросовъ чрезъ А. Д. Повалишинъ въ земскую дѣятельность вносилъ «упорный продуманный трудъ, поглощавшій всю душу человѣка»... «мастерски излагая свои

порядкѣ хронологической послѣдовательности. Кн. С. В. Волконскій былъ знаменосцемъ земства съ 1865 по 1884 г. (г. смерти), а А. Д. Повалишинъ съ 1880 по 1899 г. *). Оба эти земскіе дѣятели во время преній не говорили ни одного лишняго слова на вѣтеръ, не злоупотребляли драгоцѣннымъ даромъ Божіимъ, даннымъ только человѣку, строго помня, что каждое слово общественнаго дѣятеля должно идти на судъ общественнаго мнѣнія и на судъ исторіи, такъ какъ каждое такое слово прикрѣпляется къ безсмертному клочку бумаги посредствомъ типографскаго станка и при каждомъ словѣ будетъ стоять имя сказавшаго его.

Первымъ дебютомъ земской дѣятельности Повалишина былъ составленный имъ въ 1876 г. „*Обзоръ положенія медицинскаго дѣла въ губерніи*“.

Эта была первая попытка и „попытка обстоятельная“ и удавшаяся по изученію медицинскаго дѣла въ губерніи, первая попытка „строго обдуманнаго труда“ въ этой еще не разработанной области. (См. объ этомъ журн. собр. 1876 г. стр. 54), хотя, разумѣется, вопросъ о постановкѣ медицинской части въ губернскомъ земствѣ, какъ и другіе насущные вопросы подняты были еще въ первые годы земства. Но при

вычайно добросовѣстная, а нѣкоторые доклады управѣ — просто мастерскіе».

А. Д. Повалишинъ «Сост. Ряз. губ. въ пол. XIX в.», стр. 274.

Кн. С. В. Волконскому принадлежалъ всегда починъ въ возбужденіи, разработкѣ и рѣшеніи самыхъ важныхъ земскихъ вопросовъ. Дѣятельность собранія состояла лишь въ томъ, что оно указывало управѣ въ какомъ направленіи вопросы эти должны быть разработаны. При рѣшеніи этихъ задачъ С. В. никогда не ослабѣвалъ въ своей дѣятельности и нѣтъ такого дѣла, которое имъ было бы начато и не доведено до конца; въ этомъ отношеніи энергія С. В. была неисчерпаема Княземъ С. В. Волконскимъ выработаны «основы» земской дѣятельности.

(Тамъ же стр. 274—75).

и чужія пренія въ тѣ многочисленныя засѣданія, когда ему случалось быть секретаремъ собранія.

Кн. Н. С. Волконскій «Вѣстн. Евр. 1899 г.», стр. 417.

А, Д. Повалишинъ былъ «однимъ изъ лучшихъ знатковъ земскаго дѣла въ губерніи, ставшимъ даже единственнымъ въ этомъ отношеніи; съ которымъ почти спорить не приходилось, ибо всякій вопросъ послѣ рѣчи Повалишина оказывался настолько выясненнымъ и исчерпаннымъ, что оставалось только голосовать его... можно сказать было мало вопросовъ въ губерніи, которые бы получали постановку безъ его дѣятельнаго участія.

(Тамъ же стр. 418).

*) Первое трехлѣтіе съ 1874 по 1876 г. А. Д. посвятилъ изученію земской жизни, а съ 1877 по 1879 г. онъ не состоялъ губернскимъ гласнымъ, какъ равнымъ образомъ вышелъ изъ гласныхъ въ 1886 по 1888 г. Объ этомъ см. дальше.

серьезномъ и всестороннемъ изученіи земскаго дѣла оказалось, писалъ самъ А. Д. Повалишинъ, что нуждъ земскихъ очень много, а средствъ очень мало. Необходимость вынуждала до времени не разбрасываться средствами, а сосредоточиться прежде всего на удовлетвореніи нуждъ неотложныхъ, не забывая въ то время и другихъ неудовлетворенныхъ потребностей, но стремясь и ихъ удовлетворить постепенно по мѣрѣ расширенія средствъ. Съ начала 70-хъ годовъ губернскимъ земствомъ обращено особое вниманіе на медицинскую часть. Началось съ изученія медицинской части и медицинскихъ нуждъ губерніи путемъ съѣздовъ земскихъ врачей. Первый съѣздъ врачей созванъ былъ въ маѣ 1874 г. Компетенціи съѣзда предложено было выработать такую систему веденія медицинской части въ губерніи, при которой, пользуясь современными выводами медицины, можно было бы принести наибольшую пользу.

Слѣдующій съѣздъ былъ въ 1875 г. и велся при ближайшемъ участіи А. Д. Повалишина, какъ члена Рязанской уѣздной земской управы. Когда приступлено было, по приглашенію предсѣдателя, въ первый разъ къ обсужденію вопроса объ изученіи земскими врачами своихъ участковъ въ медико-статистическомъ и медико-топографическомъ отношеніяхъ по программѣ выработанной С.-Петербургскомъ съѣздомъ врачей, такъ какъ собственно и успѣшная дѣятельность съѣздовъ въ сущности признавалась въ зависимости отъ этихъ подготовительныхъ работъ (Тр. Съѣзда Врач. 1875 г. стр. 70—74). Врачи высказались противъ. Въ продолжительныхъ преніяхъ врачи говорили, что имъ нѣтъ времени отвѣчать на предложенные въ программѣ вопросы, такъ какъ на одно чтеніе ея пошло много времени и что даже земскіе врачи недостаточно подготовлены къ этой работѣ. (Тамъ-же, стр. 74—75). И не смотря на то, что нѣкоторые представители отъ земства и особенно Повалишинъ настаивали на необходимости доставленія врачами медико-статистическихъ и медико-топографическихъ свѣдѣній, въ виду ихъ важности для постановки медицинской части вообще, вопросъ этотъ, на засѣданіи 17 іюля 1875 г., рѣшенъ отрицательно. Тогда на слѣдующее засѣданіе, 18 іюля, Александръ Дмитріевичъ выступилъ съ отдѣльнымъ мнѣніемъ, бичующимъ неосновательные отказы врачей отъ лежащаго на нихъ дѣла. Повалишинъ писалъ: „Въ засѣданіи 17 іюля на обсужденіе съѣзда былъ предложенъ вопросъ о доставленіи земскими врачами въ бюро съѣзда описаній врачебныхъ участковъ въ медико-статистическомъ и медико-топографическомъ отношеніяхъ. Изъ доклада бюро и дополнительныхъ къ тому докладу свѣдѣній, сообщенныхъ врачемъ Е—кимъ, вопросъ о необходимости проектированныхъ описаній разрѣшенъ съѣздомъ утвердительно, такъ какъ *трудно было бы сомнѣваться въ этой необходимости* въ виду современнаго состоянія медицинской помощи въ нашей губерніи,

при которомъ число больныхъ постоянно увеличивается; для леченія ихъ земство должно дать средства и даетъ ихъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Земскіе расходы на медицину быстро растутъ и земство *не предвидитъ конца увеличенія ихъ, если ограничится только леченіемъ больныхъ и не обратитъ своего вниманія на причины порождающія болѣзни*, а равно *способствующія развитію ихъ и, отыскавъ эти причины, не приметъ мѣръ къ ихъ прекращенію*. За разрѣшеніемъ вопроса о необходимости доставленія свѣдѣній, съѣзду надлежало разрѣшить другой предложенный бюро вопросъ — могутъ ли доставлять эти свѣдѣнія наши земскіе врачи. Въ началѣ преній было высказано, что земскіе врачи не въ состояніи исполнить этой работы, такъ какъ она требуетъ и спеціальной подготовки, и значительно свободнаго отъ другихъ работъ времени, между тѣмъ какъ они, врачи, обременены другими обязанностями по леченію больныхъ, обязанностями, которыя съ трудомъ выполняемы при данномъ наличномъ составѣ врачей. Такимъ образомъ изъ преній совершенно послѣдовательно вытекалъ предложенный мною на обсужденіе врачей вопросъ: признаютъ ли наши земскіе врачи невозможнымъ доставлять желаемыя свѣдѣнія потому, что *они не считаютъ себя подготовленными къ этому дѣлу*, хотя бы эти свѣдѣнія были въ программѣ, выработанной С.-Петербургскимъ съѣздомъ и, какъ мнѣ кажется, *доступной всякому образованному человѣку*, а тѣмъ болѣе спеціалисту врачу; или потому, что нынѣ земскіе врачи настолько обременены обязанностями по леченію больныхъ, что принятіе ими на себя еще какой нибудъ работы будетъ физически невозможно, безъ ущерба дѣлу леченія, что главнымъ образомъ преслѣдуется земствомъ въ настоящее время? Послѣдующими преніями окончательно установлено, что если требуются особыя спеціальныя познанія для изученія края въ санитарномъ отношеніи, то эти познанія пріобрѣтаются не въ школѣ, а послѣ университетскаго образованія, такъ какъ подобныхъ школъ нигдѣ и не существуетъ, а частной кабинетной работой, требующей лишь свободнаго времени на столько значительно, чтобъ можно было сосредоточиться на изученіи даннаго вопроса; потому всякій земскій врачъ можетъ быть санитарнымъ врачемъ, если его не обременять работами по леченію больныхъ такъ, что у него не будетъ свободнаго времени ни на изученіе предмета, ни на практическое примѣненіе началъ, добытыхъ этимъ изученіемъ. Затѣмъ, когда предсѣдатель собранія предложилъ на баллотировку вопросъ о томъ, возможно ли возложить доставленіе этихъ свѣдѣній на земскихъ врачей, вопросъ этотъ громаднымъ большинствомъ разрѣшенъ отрицательно. Принадлежа къ числу тѣхъ немногихъ, которые высказались въ пользу баллотированнаго вопроса, я считаю себя нравственно обязаннымъ предъ земствомъ моего уѣзда подать особое мнѣніе, такъ какъ разрѣшеніе вопроса въ отрицательномъ смыслѣ *противорѣчитъ не только зем-*

скимъ интересамъ, но и всему высказанному въ съѣздѣ. Дѣйствительно, сопоставивъ рядъ мнѣній, высказанныхъ по обсуждаемому вопросу, съ результатомъ баллотировки, въ сущности можно сдѣлать лишь одинъ выводъ. Съѣздъ сознаетъ необходимость въ изученіи края въ санитарномъ отношеніи; съѣздъ полагаетъ, что всякій земскій врачъ можетъ заняться этимъ изученіемъ, лишь бы было свободное для этого время, но въ результатѣ съѣздъ признаетъ невозможнымъ возложить работу по изученію края на земскихъ врачей. Изъ этого ясно, что вопросъ разрѣшенъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ высказался самъ съѣздъ. Противорѣчіе же этого рѣшенія съ земскими интересами очевидно. Исторія рязанскаго земства показываетъ, что мы никогда не жалѣли денегъ на дѣло, лишь бы это дѣло приносило пользу, лишь бы деньги наши не шли даромъ. Въ отношеніи медицинской помощи мы никогда не отказывались удовлетворить потребностямъ населенія, и, ассигнуя суммы, иногда весьма значительныя, не жаловались на тяготу обложенія, утѣшая себя мыслью о доставленіи населенію средствъ избѣгать физическихъ страданій. Если мы никогда не смотрѣли на своихъ земскихъ врачей, какъ *на ремесленниковъ* и не старались возлагать на нихъ какъ можно болѣе работы за возможно меньшее вознагражденіе, то мы не смѣемъ и подумать, чтобы наши врачи смотрѣли на земство, какъ *на такого хозяина, отъ котораго слѣдуетъ получать наибольшую плату при наименьшей работѣ;* мы всегда смотрѣли на нашихъ врачей, какъ на нашихъ земскихъ дѣятелей, преслѣдующихъ одну съ нами цѣль—народное благосостояніе. Къ чему же можетъ привести обсуждаемое постановленіе съѣзда, имѣющаго цѣлью нравственное вліяніе на земство рязанской губерніи по устройству въ немъ медицинской помощи? Какой выходъ даетъ это постановленіе при желаніи земства организовать санитарную часть въ губерніи? Мы должны сказать, что такого выхода нѣтъ Какъ не распредѣляй врачебные участки для облегченія работы врачей, какъ не увеличивай число врачей, земство не можетъ поручить изученіе санитарнаго состоянія края своему земскому врачу, не смотря на то, что ему предоставлены и время, и средства; хотя земскій врачъ и можетъ справиться съ своею работою, но онъ не долженъ ея дѣлать"... Къ этому мнѣнію присоединились кн. С. В. Волконскій и А. Н. Левашевъ, (Труды съѣзда врачей 1875 г. стр. 78—80). Послѣ этого мнѣнія Повалишина врачамъ стало совѣстно: нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ постаповленія 17 іюля, а другіе приводили ничего не значащія оправданія и въ концѣ концевъ 18 іюля постановили: по возможности доставлять эти свѣдѣнія, хотя въ предѣлахъ не болѣе обширной программы, чѣмъ программа С.-Петербургскаго съѣзда врачей (тамъ же стр. 85). Свѣдѣнія эти врачи согласились представлять для разработки въ избранное ими же бюро, которое состояло изъ 5 лицъ, живущихъ въ Рязани: трехъ врачей

и двухъ представителей земства, каковыми избраны кн. С. В. Волконскихъ и А. Д. Повалишинъ.

До 1875 г. медицинское дѣло въ губерніи было обставлено плохо: въ нѣкоторыхъ уѣздахъ было по одному только врачу и тѣ постоянно жили въ городѣ при больницѣ. Сельское населеніе совершенно оставалось безъ медицинской помощи: гдѣ же одному врачу справиться съ городомъ и уѣздомъ! Бѣдственное положеніе населенія, остающагося безъ медицинской помощи не даетъ покоя Повалишину. На слѣдующее засѣданіе врачей, 20 іюля, онъ вноситъ новое предложеніе о разработкѣ проекта нормальнаго врачебнаго участка. По этому поводу онъ, между прочимъ, пишетъ: „имѣя въ виду, что въ рязанской губерніи есть такіе врачебные участки, въ которыхъ полагается одинъ врачъ на весь уѣздъ, при жительствѣ врача въ городѣ, при обязательномъ завѣдываніи врачемъ больницею (михайлов., зарайск., ряжск.), при обязательныхъ разъѣздахъ по пунктамъ для пріема больныхъ, но что есть и такіе участки, гдѣ врачъ расчитанъ на народоселеніе въ 25—30 тысячъ душъ, при разстояніи мѣстожительства врача отъ самаго отдаленнаго пункта его участка не далѣе 20 верстъ, при незначительномъ числѣ больныхъ, при отсутствіи больницы и обязательныхъ разъѣздовъ врача по участку (спасъ-клепиковскій участокъ рязанскаго уѣзда),— необходимо было бы опредѣлить нормальный участокъ, т. е. такое устройство, которое было бы желательно въ видахъ доставленія врачамъ возможности выполнить тѣ обязанности, которыя вызываются современными требованіями. Разсматривая нынѣшнія обязанности врачей, возлагаемыя на нихъ земствомъ и принявъ на видъ организацію медицинской помощи въ нашей губерніи, нельзя не придти къ убѣжденію, что обязанности эти совершенно невыполнимы. Завѣдывать больницею, принимать больныхъ въ мѣстѣ жительства врача, дѣлать обязательные разъѣзды на пункты для пріема больныхъ, а иногда посѣщать тяжело больныхъ и на дому, являться на мѣсто эпидеміи,— это такія обязанности, съ которыми можно справиться лишь при данномъ числѣ жителей, въ предѣлахъ извѣстнаго процента заболѣвшихъ и въ извѣстномъ районѣ дѣятельности врача. Очевидно, эти обязанности совершенно невыполнимы для врача, имѣющаго участкомъ цѣлый уѣздъ. Обремененіе врачей обязанностями, исполненіе которыхъ свыше ихъ силъ, можетъ привести лишь къ однимъ результатамъ—чисто формальному отношенію врачей къ своему дѣлу. Если же къ этимъ обязанностямъ присоединить собираніе медико-статистическихъ и медико-топографическихъ свѣдѣній, изслѣдованіе центровъ зараженія сифилисомъ, надзоръ за оспопрививаніемъ, т. е. такія обязанности, которыя едва ли не важнѣе всѣхъ другихъ, такъ какъ при исполненіи ихъ только и можно надѣяться достигнуть какихъ либо результатовъ въ дѣлѣ народнаго здравія, ибо

до сихъ поръ дѣло это слѣдуетъ считать еще не початымъ въ нашей губерніи, то дѣятельность врача, при нынѣшней организаціи врачебныхъ участковъ, совершенно будетъ подавлена массою возложенныхъ на нихъ обязанностей. Мотивируя такимъ образомъ, Повалишинъ признавалъ вопросъ о нормальномъ врачебномъ участкѣ самымъ испытаннымъ вопросомъ въ дѣлѣ правильнаго устройства медицинской помощи въ губерніи, и предлагалъ разработать его или теперь же съѣзду врачей или передать въ бюро для предварительной разработки о результатахъ трудовъ доложить будущему съѣзду, основанія, на которыхъ можно разработать этотъ вопросъ, Повалишинъ указывалъ слѣдующія: 1) Точное опредѣленіе обязанностей врача, сообразно добытымъ отъ самыхъ врачей даннымъ. 2) Опредѣленіе максимума и минимума разстоянія, предѣлами котораго должна ограничиваться дѣятельность врача. 3) Опредѣленіе максимума и минимума народоселенія врачебнаго участка, сообразно среднему проценту заболѣванія. 4) При опредѣленіи нормальнаго участка умѣть въ виду не тотъ или другой уѣздъ, а губернію, какъ единицу, такъ чтобы примѣненіе выработаннаго проекта могло быть сдѣлано уѣздами съ удобствомъ при томъ или другомъ условіи: напр.—уменьшая число народоселенія на счетъ увеличенія разстоянія (до извѣстной нормы) и на оборотъ; или увеличивая число народоселенія (опять таки до извѣстной нормы), сообразно уменьшенію процента смертности и т. п. (стр. 107—109). Задавалъ Повалишинъ не легкую работу, но очень важную,—работу первой необходимости при начальной постановкѣ медицинскаго дѣла въ губерніи. Разумѣется текущій съѣздъ справиться съ этимъ не могъ, и весь вопросъ, предложенный Повалишинымъ, переданъ былъ въ бюро для разработки къ будущему съѣзду.

Приступая къ составленію описанія состоянія медицинскаго дѣла въ губерніи, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ этого дѣла со времени образованія земскихъ учрежденій, избранное съѣздомъ врачей бюро разослало вопросные бланки уѣзднымъ управамъ для заполненія ихъ нужными свѣдѣніями. Разработка этихъ свѣдѣній вмѣстѣ съ имѣющими поступить отъ земскихъ врачей, по выработанной программѣ Петербургскихъ врачей, поручена была А. Д. Повалишину.

По разсмотрѣніи Повалишинымъ доставленныхъ управами свѣдѣній, оказалось, что если по нимъ предположенная работа и можетъ быть исполнена, то не вполнѣ, а лишь отчасти, ибо, не смотря на разосланную однообразную программу, полученъ былъ самый разнообразный матеріалъ, не поддающійся никакимъ обобщеніямъ, главнымъ образомъ, въ той его части, которая относится до обозрѣнія историческаго развитія земской медицины. Убѣдившись въ непригодности послѣдняго сорта матеріала т. е. того, который касается исторіи медицинскаго дѣла, А. Д. Повалишинъ рѣшилъ ограничиться пока описаніемъ

только современнаго состоянія медицинскаго дѣла. „Знать, что есть у насъ въ настоящее время и на какія средства мы орудуемъ, писалъ А. Д. во введеніи къ докладу, настолько важно, что безъ этихъ свѣдѣній шагу нельзя ступить впередъ, ибо едва ли можно съ увѣренностью говорить о лучшей организаціи медицины, не имѣя въ виду того даннаго устройства, улучшить которое мы хотимъ“ (Труды съѣзда врачей 1876 г. стр. 5). Передать хотя бы кратко содержаніе этого доклада, который обнаружилъ въ А. Д. Повалишинѣ сразу рѣдкаго земскаго дѣятеля, при всѣмъ извѣстной формѣ писанія Повалишина— писать сжато и дѣлать выводы на основаніи съ рѣдкимъ умѣньемъ и знаніемъ дѣла сгруппированныхъ фактовъ,— нѣтъ никакой возможности. Въ немъ и безъ того все сжато, кратко и по выводамъ неотразимо. Это не описаніе, а это ариометическая задача, составленная Повалишинымъ, и имъ же самимъ рѣшенная, и земству предоставлялось его рѣшеніемъ воспользоваться. Докладъ этотъ самимъ собраніемъ въ своихъ выводахъ признанъ „неотразимымъ“, такъ какъ составленъ „на основаніяхъ неотразимыхъ“... „въ докладѣ этомъ сгруппированы факты, вдохнута въ нихъ жизнь и показано—къ чему идетъ и должно идти земство“ (тамъ же, стр. 113—116).

Очень рано, на второй же годъ вступленія Повалишина въ земскую дѣятельность, губернское собраніе, отличавшееся тогда большимъ многолюдствомъ, выдѣляетъ его изъ ряда большинства своихъ гласныхъ. Въ 1875 г. А. Д. Повалишинъ вмѣстѣ съ кн. Н. С. Волконскимъ (нынѣшній предсѣдатель губ. управы) избраны большинствомъ шаровъ секретарями собранія 11-го очереднаго созыва 1875 г. Теперь на каждое засѣданіе избирается отдѣльный секретарь, а прежде, избранные одинъ или два секретаря на весь созывъ, вели всѣ засѣданія. Всякій знаетъ, что это дѣло не легкое и поручить его не всякому можно, вести его нужно умѣло, тѣмъ болѣе, что тогда секретари и докладывали всѣ бумаги (Журн. собр. 2 дек. 1875 г. стр. 2). На засѣданіи 3 декабря того же года вмѣстѣ съ Кошелевымъ, Офросимовымъ, Левашевымъ и Хрущевымъ А. Д. Повалишинъ выбирается въ комиссію для разработки вопроса о посреднической комиссіи и посредникахъ полюбовнаго размежеванія,—при чемъ нужно замѣтить, что выборъ членовъ комиссіи предоставленъ былъ А. И. Кошелеву и всѣ перечисленныя нами лица приглашены Кошелевымъ. (Ж. соб. 3 дек. 1875 г. стр. 26,. Въ 1876 году Повалишинъ и Левашевъ были также избраны секретарями собранія большинствомъ шаровъ (Журн. собр. 1876 г. стр. 5), при чемъ Повалишинъ, какъ секретарь собранія, объяснилъ собранію: „хотя имѣется полная возможность записать и изложить все, что говорится г.г. гласными въ собраніи по поводу обсуждаемыхъ вопросовъ, но на изложеніе недостаетъ времени, такъ какъ журналы должны быть готовы къ слѣдующему же утру. Поэтому

по неволѣ приходится удерживать лишь главную мысль, проведенную въ преніяхъ, съ той или другой стороны, и выпускать такія вещи, которыя служатъ подтвержденіемъ или дальнѣйшимъ развитіемъ ея, при чемъ, конечно, можетъ случиться, что будутъ опущены цѣлыя рѣчи г.г. гласныхъ. Чтобъ избѣжать недоразумѣній подобныхъ возникшимъ въ прошломъ году, онъ считаетъ долгомъ заявить о томъ заранѣе и предложить г.г. гласнымъ, которымъ угодно, чтобъ слова ихъ были занесены въ журналы собранія дословно, излагать ихъ заблаговременно и сообщать секретарямъ собранія". И собраніе вполнѣ одобрило порядокъ изложенія журналовъ, предложенный секретаремъ Повалишинымъ (Журн. собр. 1876 г. стр. 16).

Въ 1876 году 12 апрѣля послѣдовалъ Высочайшій Манифестъ, объявляющій долго откладываемую, но неизбѣжную войну съ Турціей. Манифестъ послѣдовалъ съ цѣлію вызвать въ русскомъ народѣ подъемъ духа на борьбу съ невѣрными за христіанъ и на помощь правительству по удовлетворенію многочисленныхъ потребностей, создаваемыхъ военнымъ положеніемъ. Рязанское губернское земское собраніе 14 ноября 1876 г. по поводу высказанныхъ въ Манифестѣ Державныхъ словъ озаботилось прежде всего выраженіемъ своихъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ и также выразило свою готовность оказать правительству всѣ возможныя со стороны земства матеріальныя средства въ подпискѣ на заемъ, дѣлаемый правительствомъ. (Журн. собр. 1876 г. стр. 8—9). 15 и 16 января 1877 г. состоялось экстренное губернское земское собраніе, на которомъ Повалишинъ исполнялъ обязанности секретаря, главнымъ образомъ, по поводу начатой войны съ Турціей. На собраніи возбужденъ былъ вопросъ о томъ, какимъ же именно образомъ осуществить общее желаніе земства на счетъ пожертвованій на военныя нужды. Всѣ единогласно приходили къ тому, что со стороны земства должна быть принесена посильная лепта на общее государственное дѣло независимо отъ того, на какой предметъ будутъ употреблены эти пожертвованія „просто на военныя нужды государства при начатой войнѣ съ Турціей". Во всѣхъ рѣчахъ гласныхъ слышалось и чувствовалось какое то нервное возбужденіе. „Пришло время освобожденія отъ мусульманскаго ига сплеменныхъ намъ братьевъ христіанъ,— сходились всѣ гласные въ общемъ мнѣніи:—затронута одна изъ задушевныхъ нашихъ мыслей, рѣшается одна изъ прямыхъ задачъ Православной Руси". Государю повергнутъ былъ всеподданнѣйшій адресъ и на военное дѣло ассигновано земствомъ 100.000 руб. Повалишинъ какъ истый вѣрноподданный бросаетъ свои и земскія дѣла и, въ 1877 г. отказавшись отъ обязанностей гласнаго, ѣдетъ, въ качествѣ секретаря у Главноуполномоченнаго по Красному Кресту, къ мѣсту военныхъ дѣйствій арміи. Съ мая 1877 г. по августъ Повалишинъ пробылъ въ Кишеневѣ, гдѣ было положено имъ масса труда, такъ какъ А.

Д. Повалишинъ былъ приглашенъ Главноуполномоченнымъ для организаціи дѣла Краснаго Креста. Его смѣнилъ А. Н. Левашевъ.

Въ 1880 году А. Д. Повалишинъ возобновилъ снова свою земскую дѣятельность. Знакомясь съ журналами земскихъ собраній за этотъ годъ и послѣдующіе, вчитываясь въ пренія гласныхъ по разнымъ вопросамъ земской дѣятельности, видишь, что Повалишинъ никогда ни по какому вопросу не начиналъ говорить первымъ и вообще въ пренія вступалъ нечасто. Онъ давалъ себѣ возможность хорошенько вдуматься въ разрѣшаемый вопросъ, выслушать объ немъ мнѣнія другихъ и уже, взвѣсивши всѣ данныя за и противъ, выступалъ затѣмъ, чтобы къ нему не возвращаться, а рѣшить его окончательно. Въ рѣчахъ его по земскимъ вопросамъ свѣтится гдѣ нужно законность, гдѣ требуется справедливость, и человѣчность, и знаніе, и опытность земскаго практика, которому дорога каждая земская копейка. Въ рѣшеніи серьезныхъ вопросовъ онъ былъ врагъ всякой поспѣшности: всѣ вопросы, которые казались ему недостаточно выясненными, онъ настаивалъ передавать для обсужденія и детальной разработки въ комиссіи или на обсужденіе уѣздныхъ собраній и управъ. Повалишинъ любилъ и чаще всего свои пренія и подаваемыя въ собраніи мнѣнія основывалъ на фактахъ, на цифрахъ и всякихъ статистическихъ, хозяйственныхъ и практическихъ выкладкахъ. И когда нѣкоторые изъ гласныхъ, любящихъ словопренія, поднимали перекрестный огонь изъ за какихъ нибудь неважныхъ разногласій, расходились въ точкахъ зрѣнія по неясности освѣщенія вопроса, А. Д. говорилъ, часто сдерживая ихъ благіе порывы, не лучше ли оставить дебаты до разсмотрѣнія г.г. гласными цифръ и таблицъ того или другого доклада (Журн. собр. 1880 г. стр. 27, 85 и др.), которыя могутъ освѣтить разсматриваемый вопросъ вполнѣ и примирить разногласія. Всѣ трудныя и сложныя вопросы земской практики рѣшались при его участіи: нужно ли было преобразовать Александровскую учительскую семинарію и составить ей уставъ, въ комиссію выбирается Повалишинъ (Журн. собр. 1880 г. стр. 183). Возникалъ ли вопросъ о нормѣ и равномѣрности обложенія, съ Повалишинымъ во главѣ дѣлалась переоцѣнка подлежащаго обложенію имущества. Возникалъ ли вопросъ объ улучшеніи экономическаго благосостоянія народа хотя бы путемъ открытія крестьянамъ мелкаго кредита и культурнаго развитія народа путемъ устройства и увеличенія хотя бы начальныхъ школъ, Александръ Дмитріевичъ первый подавалъ за это голосъ, такъ какъ благосостояніе народное есть главнѣйшая обязанность земства, возложенная на него закономъ, а забота объ образованіи главнѣйшая обязанность просвѣщенной совѣсти гласнаго, и стоялъ во главѣ разныхъ комиссій и подкомиссій по разработкѣ этихъ вопросовъ. Знаніе земскаго дѣла, знаніе прошлаго земской дѣятельности, знаніе на память почти всѣхъ по-

становленій губернскаго земства по тѣмъ или другимъ вопросамъ у Повалишина были просто феноменальны. И какой бы вопросъ не поднимался въ земствѣ, предъ Повалишинымъ выростала въ его памяти вся исторія вопроса со дня основанія земства. И можно удивляться, какъ память его могла вмѣстить все это,—напр., положимъ, возникаетъ въ 1880 г., при повѣркѣ правъ гласныхъ, такой инцидентъ: явился въ собраніе кандидатъ Горбатовъ вмѣстѣ гл. Дашкова (пренія по этому вопросу идутъ нѣсколько часовъ и занимаютъ нѣсколько печатныхъ страницъ журнала), прямыхъ указаній въ законѣ нѣтъ никакихъ о кандидатахъ, Повалишинъ на память, приводитъ цѣлый рядъ подобныхъ фактовъ и постановленій по настоящему вопросу, неоднократно бывшихъ въ земской практикѣ за 15-лѣтіе земства (Журн. собр. 1880 г. стр. 217—218). Всѣ соглашаются, что, дѣйствительно, нужно быть послѣдовательными и держаться установившейся годами земской практики. Какъ опытному и знающему всестороняе земское дѣло, въ 1880 г. Повалишину губернскою управою поручено и имъ составлены сводныя таблицы всѣхъ смѣтныхъ назначеній губернскаго земства за 15-лѣтіе существованія земства (1866—1880 г.г.) *) Повалишинымъ указанъ способъ какъ и чѣмъ оріентироваться при исчисленіи нормальнаго ремонта на дорожныя сооруженія (Журн. собр. 1881 г. стр. 29); какихъ основаній держаться при составленіи смѣты о пожарныхъ убыткахъ (Журн. собр. 1881 г. стр. 64). По системѣ Повалишина сдѣлана раскладка губернскаго земскаго сбора между уѣздами (Журн. собр. 1881 г. стр. 89, 103, 112).

Въ поднятіи уровня народнаго благосостоянія, экономическаго и культурнаго быта народнаго Повалишинъ видѣлъ главнѣйшія задачи земства и мучился, что земство, по недостаточности средствъ, собираемыхъ съ тѣхъ же самыхъ плательщиковъ, благосостояніе которыхъ такъ плохо,—не можетъ примѣнить своихъ мѣръ въ широкомъ размѣрѣ. Вопросы о борьбѣ съ малоземельемъ крестьянъ и непроизводительностью почвы подняла компанія гласныхъ, состоящая изъ А. Д. Повалишина, гл. Дворжака, А. Н. Левашова и кн. Н. С. Волконскаго (Журн. собр. 1881 г. стр. 174, 95, 98—99, 122—25). И когда на собраніи былъ поднятъ вопросъ о выдачѣ ссудъ земледѣльцамъ при покупкѣ земли, то Повалишинъ высказался за необходимость помогать только той части населенія, которая посвящаетъ *личный трудъ* на воздѣлываніе земли и ни въ какомъ случаѣ не выдавать ссуды такимъ владѣльцамъ, которые сами землю не воздѣлываютъ, а сдаютъ ее въ аренду, или пользуются ею какимъ нибудь

---

*) Рязанское губернское земство. Смѣты рязанскаго губернскаго земства за истекшее 15-лѣтіе. Составилъ А. Повалишинъ (Рязань, типогр. Позпякова. 1880 г.).

другимъ способомъ, кромѣ личнаго труда. Настаивал на этомъ, онъ считалъ нужнымъ выработать для этого гарантіи (Журн. собр. 1881 г. стр. 61, 84, 85). Въ составленный проектъ положенія о выдачѣ земледѣльцамъ рязанской губерніи ссудъ при покупкѣ земли, на собраніи 13 мая 1881 г., столько было предложено внести не желательной ломки и даже сословныхъ тенденцій, что одно было спасеніе отложить разрѣшеніе этого вопроса. Повалишинъ предложилъ собранію поручить управѣ обстоятельнѣе разработать этотъ вопросъ и доложить ближайшему очередному или чрезвычайному собранію. И собраніе приняло предложеніе Повалишина (Журн. собр. 13 мая 1881 г. стр. 91).

А. Д. Повалишинъ былъ истый земецъ. Земская служба была для него потребностью, сознаніемъ и исполненіемъ долга интеллигентнаго человѣка — служить на пользу народную, на пользу общественную и, если можно, служить даромъ, добровольно. Самъ онъ нѣсколько лѣтъ несъ обязанности члена уѣздной управы безплатно. Въ служеніи земству добровольномъ, съ сознаніемъ исполняемаго долга, Повалишинъ и видѣлъ преимущество, успѣхъ и продуктивность дѣятельности земства по положенію 1864 г. предъ земствомъ дореформеннымъ. „Достигнутые земствомъ результаты, говорилъ онъ, находятся въ прямой зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя была поставлена земская дѣятельность положеніемъ 1 января 1864 года. До реформы все было самымъ точнымъ образомъ взвѣшено, соображено и опредѣлено; все предписано и поставлено въ тѣсныя рамки; для самостоятельнаго мышленія и дѣятельности не оставалось мѣста, хотя бы приходилось исполнять что либо, не понимая ни цѣли, ни надобности. Земское положеніе узаконило самостоятельную дѣятельность земства, связанную лишь безусловнымъ подчиненіемъ закону. Вслѣдствіе такой постановки, прежняя земская служба, бывшая тяжелою повинностью, отправлялась только формально; нынѣ — она стала потребностью, удовлетвореніе которой обусловливается сознаніемъ долга въ отношеніи своей мѣстности, что и дало возможность привлечь на земскую службу множество даровыхъ, добровольныхъ работниковъ, затрачивающихъ свой трудъ и свои личныя средства на общую пользу. Сдѣлать учетъ этого труда и матеріальныхъ жертвъ не представляется возможнымъ, но, при оцѣнкѣ общихъ результатовъ земской дѣятельности, нельзя не имѣть въ виду ея главныхъ факторовъ. Трудъ этотъ далъ осязательные результаты только потому, что сами трудящіеся вѣрили въ производительность своей работы, въ возможность достиженія тѣхъ цѣлей, ради которыхъ они затрачивали свой трудъ, съ полнымъ сознаніемъ, что оцѣнка его практической пользы ограждена закономъ отъ всякихъ случайностей и предоставлена исключительно людямъ той мѣстности, представителями которой они состоятъ. (Ряз. зем. въ его прошломъ и настоящемъ, стр. 206—207).

Чуждый въ земскомъ дѣлѣ всякой сословности, онъ всегда держался на чисто земской точкѣ зрѣнія, соблюдая интересы всѣхъ земскихъ единицъ, не поступаясь ни на сторону крупныхъ земскихъ плательщиковъ, ни мелкихъ—крестьянъ *). Въ рязанскомъ губернскомъ земствѣ нѣкоторыми гласными не разъ проявлялись интересы сословности, особенно они обострились въ 1882 г. вслѣдствіе нѣкоторыхъ выводовъ статистическихъ сборниковъ: не нравилось нѣкоторымъ гласнымъ, что статистическія цифры и таблицы сборниковъ говорили объ обѣдненіи крестьянъ, дурныхъ надѣлахъ и стѣснительныхъ отношеніяхъ къ нимъ помѣщиковъ .. Нѣкоторые гласные земскаго собранія 1881 г. (sic) видѣли въ этомъ *вредную* и *обидную* для помѣщиковъ тенденціозность и преднамѣренное сочувствіе статистиковъ къ крестьянамъ. А. Д. Повалишинъ говорилъ: его удивляетъ, что въ статистикѣ говорятъ о направленіи, о тенденціозности. Въ статистическихъ работахъ—главное цифры, цифровыя таблицы, цифры осуждаемыхъ сборниковъ собирались тщательно, противъ цифръ никто не споритъ, а изъ цифръ вытекли и выводы. (Журн. собр. 1882 г. стр. 217). „Насъ обвиняютъ въ томъ, писалъ онъ, въ открытомъ письмѣ отъ 28 іюня 1886 г.,—что мы не выходимъ изъ интересовъ крупнаго землевладѣнія, не поддерживаемъ его, относимся къ нему враждебно... Что мы не выходимъ изъ интересовъ крупнаго землевладѣнія, - это справедливо; что мы относимся къ нему враждебно, это неправда. Развѣ въ земскомъ собраніи прилично поддерживать чьи либо отдѣльные интересы въ ущербъ интересовъ общихъ для всѣхъ“?

А. Д. Повалишинъ высказывался за земскую всесословную волость. При опредѣленіи величины этой земской мелкой единицы предлагалъ принять въ расчетъ: пространство земли, количество населенія и распредѣленіе земель по владѣнію (Журн. собр. 1881 г. стр. 174). Повалишинъ высказывался и за учрежденіе всесословныхъ судовъ при земскихъ округахъ, съ тѣмъ, чтобы суды эти имѣли право судить *по обычаю* и, въ апеляціонномъ порядкѣ, подчинялись бы мировымъ судьямъ (Журн. собр. 1881 г. стр. 183), которые, разумѣется, въ настоящее время могли быть возстановлены и содержаніе ихъ могло бы взять на себя снова земство. Стоя за ходатайство о введеніи въ земскихъ губерніяхъ мелкой земской единицы, Повалишинъ и др. гласные, особенно кн. Н. С. Волконскій, исходили изъ традіи 60-хъ годовъ. Сами составители положенія 19 февраля допускали лишь на первое время особыя формы гражданско-правовыхъ отношеній и самоуправленіе кресьянъ, и даже предвѣщали, что само собою въ силу *естественнаго* хода вещей, путемъ постепенныхъ законодательныхъ мѣропріятій, со временемъ будетъ устранена изолированность крестьянскаго сословія, кото-

*) Эту мысль онъ особенно проводитъ въ своей брошюрѣ: Открытое письмо моимъ товарищамъ по земству. Объ этомъ—ниже.

торое должно слиться со всѣми другими сословіями въ государствѣ на почвѣ общихъ административныхъ учрежденій и общихъ гражданскихъ законовъ.

Такимъ образомъ, стоя за низшую земскую единицу, каковою могла бы быть всесословная волость—гласные смѣло шли по пути намѣченному составителями положенія 19 февраля т. е. по пути полнаго уравненія крестьянъ съ прочими сословіями на почвѣ административныхъ учрежденій и общихъ гражданскихъ законовъ *).

Въ Повалишинѣ рязанское земство имѣло такого представителя, которому дороги и матеріальные интересы земства, какъ свои личные. Онъ дрожалъ за каждую земскую копейку, зная, что она взимается съ плательщиковъ путемъ обязательнаго обложенія. Въ немъ земство имѣло всегда вѣрнаго стража, чтобы земскія средства расходовались только на нужды и необходимыя предпріятія земства. Въ подтвержденіе этого мы укажемъ на одинъ фактъ, за каковый одинъ изъ гласныхъ губернскаго земства г. М-нъ записалъ его въ неблагонадежные. (Журн. собр. 1881 г. стр. 97).

Мы уже разъ говорили и теперь повторяемъ, что Повалишинъ былъ истый и разумный вѣрно подданный и всегда благоговѣйный почитатель Царя—Освободителя и Его великихъ реформъ и лучшій исполнитель предначертаній Его Державной Воли, и ниже приводимыя слова характеризуютъ, его Повалишина, именно, какъ особенно бережливаго земскаго дѣятеля, стоящаго за то, чтобы земскія деньги,

*) Сравни въ Вѣстн. Евр. 1899 г. № 12. Современи введенія «Крестьянскаго положенія» сколько потрачено ума, труда, времени и бумаги на правильную постановку крестьянскаго управленія, на улучшеніе быта крестьянъ, на созданіе лучшаго административнаго и судебнаго крестьянскаго порядка, на выработку новаго продовольственнаго закона для крестьянъ, и пр., и проч.,—а между тѣмъ положеніе крестьянъ изъ года въ годъ становится все хуже и хуже; онъ не знаетъ, гдѣ найти ему начальство, гдѣ найти правосудіе; онъ весь запутанъ, какъ въ лѣсу, среди своей и общей полиціи, среди волостныхъ порядковъ и судовъ и земскихъ начальниковъ, губернскихъ присутствій и т д. Въ этой мутной водѣ у нихъ одинъ ближайшій совѣтникъ и руководитель—это волостной писарь, который дѣлаетъ съ ними, что хочетъ, (стр. 501). Если волость будетъ первой низшей, земской единицей. въ коей сосредоточены будутъ всѣ интересы землевладѣльцевъ всѣхъ сословій—по крайней мѣрѣ трехъ теперешнихъ волостей, то почему же порядочнымъ людямъ не баллотироваться въ всесословные старшины, тѣмъ болѣе, что они могутъ быть оплачиваемы не меньше того, что получаютъ теперь земскіе начальники, каковыхъ и надо преобразовать въ выборныхъ всесословныхъ волостныхъ старшинъ (стр. 502). Волостной сходъ охотно заплатитъ честному и образованному старшинѣ хорошее жалованье (стр. 502). А что можетъ сдѣлать интеллигентный предсѣдатель волостнаго суда объ этомъ разсказываетъ фактъ г. Щербина въ Рус. Вѣд. Объ этомъ-же см. Міръ Божій кн. 12—1899 г. стр. 15—18.

согласно земскаго положенія, расходовались только исключительно на мѣстныя земскія нужды. Потомъ 22 декабря 1883 г. за № 9483 вышелъ циркуляръ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, подтвердившій въ принципѣ проводимыя ниже А. Д. Повалишинымъ доводы, циркуляръ этотъ о недопущеніи къ обсужденію въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ предложеній, выходящихъ изъ предѣловъ вѣдомства и власти городскихъ и земскихъ учрежденій, относительно расходовъ, выходящихъ за предѣлы мѣстныхъ нуждъ *). Дѣло въ томъ: въ 1881 г., по почину московскаго земства, открыта была подписка на сооруженіе памятника въ Москвѣ Царю — Освободителю. Московское земство просило 1) предложить въ ближайшемъ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи на обсужденіе вопросъ объ участіи земства рязанской губерніи въ подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ Царю — Освободителю памятника; 2) открыть при губернской земской управѣ частную подписку на тотъ же предметъ и 3) пригласить всѣ уѣздныя земскія управы открыть у себя подписки.

Въ журналѣ рязанскаго губернскаго земскаго собранія 1881 г., на стр. 5—7, записано такое мнѣніе гласнаго Повалишина: „нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что предложеніе московскаго земства будетъ встрѣчено съ живымъ сочувствіемъ всѣмъ населеніемъ рязанской губерніи, кому только будетъ извѣстно объ открытіи подписки на памятникъ покойному Государю, поспѣшитъ принять въ ней участіе, по мѣрѣ своихъ средствъ. Слѣдовательно, заботы земства должны состоять въ томъ, чтобы поставить все, по возможности, населеніе рязанской губерніи въ извѣстность объ открытіи подписки и облегчить взносъ подписной суммы. Здѣсь сдѣлано было предложеніе о пожертвованіи какой либо суммы отъ губернскаго земства; онъ, гласный, думаетъ, что этого не слѣдовало бы дѣлать, у губернскаго земства нѣтъ никакихъ свободныхъ суммъ, кромѣ тѣхъ, которыя оно взимаетъ съ плательщиковъ путемъ обложенія. Все, что входитъ въ земскія смѣты, вносится въ окладные листы и взыскивается съ плательщиковъ *обязательно*. Между тѣмъ цѣль, съ которой открыта подписка на сооруженіе памятника, состоитъ именно въ томъ, чтобы дать населенію возможность принять въ ней участіе *добровольно*. Ассигнованіе какой либо суммы отъ земства, замѣняя этотъ добровольный взносъ обязательнымъ, не только противорѣчитъ указанной цѣли, но даже умаляетъ значеніе результатовъ подписки. Само собою разумѣется, что нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній во всеобщемъ сочувствіи къ мысли, выраженной московскимъ земствомъ, и потому онъ, Повалишинъ, думаетъ что если бы онъ былъ увѣренъ въ *имущественной состоя-*

*) Циркуляръ этотъ изложенъ въ отношеніи г. Рязанскаго Губернатора губернскому земству отъ 7 марта 1884 г. № 1853. См. Журн. собр. 16 дек. 1889 г. стр. 646—649.

тельности всѣхъ земскихъ плательщиковъ, то не могло бы быть и возраженій на участіе въ подпискѣ всего земства. Но одного сочувствія здѣсь мало, нужны и деньги, а потому ставить въ неловкое положеніе тѣхъ лицъ, которыя, при всемъ своемъ сочувствіи, не въ состояніи платить,—не слѣдовало бы. На этихъ основаніяхъ, онъ думаетъ, что слѣдовало бы ограничиться первою, указанною имъ, мѣрою, *добровольною подпискою*, распространивъ свѣдѣніе о ней въ населеніи губерніи".

Въ защиту мнѣнія Повалишина, обвиненнаго за эту рѣчь гл. М. въ неблагонадежности, выступили гласные А. Н. Левашевъ и А. К. Дворжакъ, изъ коихъ послѣдній присоединился къ мнѣнію гл. Повалишина, особенно въ виду соображенія, что даже тѣнь принудительности въ такомъ дѣлѣ, каковое возбуждено московскимъ земствомъ, можетъ только умалить значеніе собранной суммы; а первый, т. е. А. Н. Левашевъ, раздѣляя взглядъ А. Д., добавилъ, что вся забота гл. Повалишина, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы наиболѣе достойнымъ образомъ принять участіе въ исполненіи мысли, выраженной московскимъ земствомъ,—и что добровольная подписка—лучшее къ тому средство. Высказываясь, поэтому, за такую подписку и противъ ассигновки изъ средствъ губернскаго земства, онъ, Левашевъ, рѣшительно не понимаетъ, какъ можно видѣть въ предложеніи гл. Повалишина, что либо похожее на сомнѣніе во всеобщемъ сочувствіи къ мысли о сооруженіи памятника покойному Государю. (Журн. собр. 1881 г. 11 мая стр. 5—7 и стр. 253). Потомъ, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ, комитетъ по сооруженію храма въ память событія 17 октября 1887 г. обратился въ губернское земство объ ассигнованіи на этотъ предметъ изъ средствъ земства какой либо суммы, то собраніе единогласно признало, на основаніи циркуляра Министра Внутреннихъ Дѣлъ 7 марта 1884 г., ходатайство комитета не подлежащимъ удовлетворенію. (Журн. соб. 16 дек. 1889 г. стр. 646—649).

Въ 1883 году нестало въ губернскомъ земствѣ А. И. Кошелева, а въ слѣдующемъ въ 1884 г. кн. С. В. Волконскаго, оставившаго въ наслѣдство земству выработанныя имъ *коренныя основы* земской дѣятельности. Оставляя въ 1884 г. на всегда земскую службу, этотъ незамѣнимый иниціаторъ всѣхъ земскихъ начинаній въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ крупныхъ вопросовъ земства успѣлъ оставить рязанскому земству въ руководство свою послѣднюю волю. „Отвѣтственный исполнитель воли большинства собранія, говорилъ кн. С. В. Волконскій не задолго до своей кончины,—я не только по его указаніямъ организовалъ земское дѣло въ губерніи, но и стремился провести въ жизнь тѣ начала, которыя этимъ большинствомъ были мнѣ указаны... Я не искалъ ни наградъ, ни благодарностей и прослужилъ такъ долго потому только, что, исполняя волю большинства

собранія, я въ тоже время исполнялъ мою личную волю. За то и оставляю земству выработанныя мною коренныя начала земскаго дѣла, которыя одни только и могутъ возстановить наши земскія силы, а именно: 1) Распространеніе грамотности. 2) Подчиненіе дѣйствій всѣхъ органовъ земскаго самоуправленія,—начиная съ губернскаго собранія и его управы до волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ,—требованіямъ порядка, отчетности и контроля открытыхъ для гласной оцѣнки всего земства губерніи. 3) Изученіе хозяйственныхъ силъ и средствъ губерніи. 4) Обобщеніе земскихъ интересовъ посредствомъ равномѣрнаго распредѣленія тяготы всѣхъ повинностей между сословіями и мѣстностями. То или другое изъ этихъ основаній заложено подъ каждую часть нашего земскаго хозяйства, и будущимъ дѣятелямъ, какъ намъ кажется, *нечего боятся непрочности этихъ основаній.* Будемъ же надѣяться, что и они *увѣруютъ въ ихъ прочность и не найдутъ нужнымъ передѣлывать начатаго*, и пожелаемъ имъ того, чего прежнимъ дѣятелямъ не всегда доставало — побоявше *энергіи* въ преслѣдованіи разъ избранной цѣли“ (кн. С. В. Волконскій: Обз. зем. дѣят. ряз. губ. за десятилѣтіе съ 1866 по 1875 г. стр. 78). Но дорогія надежды князя С. В. Волконскаго и его пожеланія дѣятелямъ „побольше энергіи въ преслѣдованіи разъ избранной цѣли“ вскорѣ, послѣ его смерти, стали заволакиваться разными неблагопріятными облачками и тучками. Въ трехлѣтіе 1886—1888 въ нѣкоторыхъ уѣздахъ на мѣсто выбывшихъ, или точнѣе сказать, забаллотированныхъ гласныхъ—представителей лучшихъ традицій перваго рязанскаго земства, когда оно было „солью“ всего русскаго земства, выступили на земскую дѣятельность новые гласные, выбранные путемъ „*соглашенія*“ *). Въ рязанскомъ уѣздномъ земствѣ обмѣнился почти весь составъ гласныхъ На выборахъ 27 іюня 1886 г., старые гласные „потерпѣли совершенное пораженіе; послѣдовало полное обновленіе состава земскаго собранія“... а полное обновленіе состава гласныхъ неминуемо должно вызвать ломку лучшихъ земскихъ начинаній, въ „прочность“ которыхъ не вѣровали новые гласные **). По-

---

*) См. объ этомъ брошюру А Д. Повалишина «Открытое письмо моимъ товарищамъ по земству» стр. 6. Г. А. Галаховъ, гласный новаго состава, въ своей брошюрѣ не скрывалъ преднамѣренной забаллотировки гласныхъ стараго состава по рязанскому уѣзду. Г. Галаховъ начинаетъ свою брошюру заявленіемъ, что когда на земскихъ избирательныхъ съѣздахъ забаллотируютъ не отдѣльную личность, а цѣлую группу лицъ, дѣйствовавшую въ одномъ направленіи нѣсколько трехлѣтій и хорошо извѣстную всему уѣзду, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что это отклоненіе кандидатуры не случайное а *преднамѣренное*—слѣдствіе *зрѣло обдуманной* оцѣнки дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ составу группы.

**) Г. Галаховъ въ своей брошюрѣ «по поводу открытаго письма г. Повалишина къ его товарищамъ по земству» говоритъ:... «въ дѣятельности забал-

валишинъ не былъ врагомъ „частичныхъ“ обновленій, „частичныя“ обновленія онъ считалъ желательными даже въ томъ случаѣ, если это „частичное“ обновленіе вносило взгляды не согласные съ установившимися традиціями: это, говорилъ Повалишинъ, — даже вноситъ большее оживленіе въ дѣятельность и, конечно, отражается на лучшей разработкѣ вопросовъ. Подобный взглядъ Повалишинъ не разъ высказывалъ на губернскихъ земскихъ собраніяхъ. Особенно ярко высказалъ онъ этотъ взглядъ по поводу внесеннаго въ губернское собраніе предложенія А. К. Дворжакъ о томъ, чтобы въ комиссіи по разработкѣ тѣхъ или другихъ вопросовъ выбирались лица съ разными направленіями. (Журн. Собр. 1881 г. стр. 9). А. Д. Повалишинъ тогда говорилъ: Предложеніе это имѣетъ за себя многое. Принявъ это предложеніе, мы обезпечимъ составъ комиссіи отъ случайностей. Каждое мнѣніе, каждое направленіе будетъ имѣть въ комиссіи своего представителя, а вся комиссія обратится въ то же собраніе въ маленькомъ видѣ. Между членами ея, придерживающимися тѣхъ или другихъ взглядовъ, сохранитъ тоже соотношеніе по числу, какое существуетъ въ собраніи между гласными. Дѣло отъ того, конечно, выиграетъ. Роль комиссіи не рѣшать переданные ей вопросы, а разработывать ихъ, подготовлять рѣшенія собранію. Случайно составленное большинство комиссіи, не представляющее даже собой большинства собранія, и при отсутствіи возраженій со стороны представителей противоположныхъ взглядовъ, можетъ не подготовить рѣшеніе вопроса, а лишь односторонне предрѣшить его, затруднить разрѣшеніе въ собраніи и вредно повліять на самостоятельность собранія. (Журн. собр. 1 дек. 1881 г. стр. 5—6).

А. Д. Повалишинъ горько скорбѣлъ и скорбь его понятна по вышеприведеннымъ соображеніямъ, когда въ трехлѣтіе 1886—1888 г.г. послѣдовало полное обновленіе состава рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія, когда на земской нивѣ сѣли новые хозяева, не вѣрящіе „въ прочность“ земскихъ начинаній своихъ предшественниковъ. Послѣ выборовъ 27 іюня 1886 г. онъ напечаталъ „открытое письмо моимъ товарищамъ по земству“ по поводу причинъ измѣненія личнаго состава земскаго собранія *). Повалишинъ писалъ: „Выборы на будущее трехлѣтіе закончены“, мы потерпѣли совершенное пораженіе; послѣдовало *полное* обновленіе состава земскаго собранія; въ будущемъ предвидится новое направленіе земской дѣятельности въ нашемъ уѣздѣ;

лотированной группы выяснился *поворотъ, не вызывавшій уже болье сочувствія избирателей»*.

*) Письмо, напечатанное на средства А. Д. Повалишина въ ограниченномъ количествѣ, стало библіографическою рѣдкостью, а въ немъ А. Д. весь характеризуется какъ земскій дѣятель. Объ немъ въ губернской и уѣздной управахъ помнятъ немногіе.

каково-то оно будетъ? *Частичное* обновленіе состава собранія крайне желательно, такъ какъ продолжительный однообразный составъ порождаетъ апатію, охлаждаетъ энергію въ дѣятельности, вызываетъ равнодушіе къ тѣмъ или другимъ интересамъ. Но *полное* обновленіе состава крайне вредно; оно разрываетъ въ дѣятельности всякую связь, уничтожаетъ пріемственность извѣстныхъ традицій, правилъ, обычаевъ, вынуждаетъ подчасъ работать безъ пользы, словомъ, останавливаетъ правильное теченіе дѣла, тормазитъ развитіе его, и нерѣдко обращаетъ движеніе его назадъ, конечно, по скольку это представляется возможнымъ. Полезно и желательно такое обновленіе состава собранія, при которомъ сами собою отпадаютъ изжившіе, ослабшіе, облѣнившіеся, выдохшіеся и иные негодные элементы, взамѣнъ коихъ входятъ живые, сильные, дѣятельные, мыслящіе. Если крайне вредна огульная смѣна лицъ, то иногда еще вреднѣе огульная перемѣна въ направленіи дѣятельности. Насколько плодотворны измѣненія, прогрессирующія дѣло, такъ какъ они выходятъ изъ интересовъ большинства въ ущербъ меньшинства, на столько не цѣлесообразны перемѣны регрессирующія, такъ какъ они всегда направлены противъ большинства въ угоду меньшинства. Желательно правильное теченіе дѣла, обусловливаемое жизненными потребностями, движеніе впередъ безъ перерыва, безъ сильныхъ толчковъ, сообразно постоянно выясняющимся требованіямъ въ интересѣ развитія благосостоянія населенія, при уравненіи правъ въ средѣ большинства, при умаленіи такихъ привилегій меньшинства, которыя существуютъ въ ущербъ большинству и на его счетъ. Отчего же послѣдовала такая огульная смѣна состава нашего собранія? Быть можетъ, этотъ составъ не выполнялъ своего назначенія? Быть можетъ, наши избиратели имѣютъ основаніе быть нами недовольными за нашу земскую дѣятельность? Быть можетъ, натерпѣвшіеся до конца и изстрадавшіеся тягостью земскихъ повинностей, они рѣшились наконецъ стряхнуть съ себя тяжелое бремя, и теперь вздохнутъ свободнѣе? Осмотримся кругомъ; припомнимъ, что мы дѣлали.

При введеніи земскихъ учрежденій, въ земскомъ собраніи засѣдали гласные, мало имѣющіе между собою общаго: на однихъ крестьянахъ лежала исключительная тягость повинностей; на другихъ—право быть свободными отъ нихъ. Задача собранія состояла въ соглашеніи представителей сословій относительно уравненія правъ по отбыванію земскихъ повинностей. Собраніе перваго трехлѣтія положило твердое начало такому уравненію; дѣло было обставлено прочно, хотя и безъ всякой рѣшительной ломки. Періодъ времени 1865—1874 г.г. былъ по преимуществу реформаторскій въ указанномъ смыслѣ, и только теперь, когда мы уже далеко стоимъ отъ этого періода, можно оцѣнить все значеніе дѣятельности этого времени. Съ 1871 года уже начался поворотъ; отношенія обострились и столкновенія съ адми-

нистраціей заставили управу (уѣздную) сойти со сцены. Это обстоятельство измѣнило частію характеръ дѣятельности земства, но не прекратило движенія впередъ въ начатомъ духѣ. Управа 1874—1883 г.г. *) имѣла одно несомнѣнное, положительное качество—аккуратность; благодаря этому качеству, она была сильна и много потребовалось времени, чтобы подготовить движеніе къ низверженію ея. Въ это самое неблагопріятное для движенія впередъ время начинается призывъ въ собраніе нашихъ товарищей, ставшихъ безъ колебанія на сторону господствовавшаго прежде направленія. При всей своей силѣ, управа не посмѣла открыто мѣшать движенію впередъ, она только тормозила это движеніе въ тиши. Дѣло постепенно двигалось, энергія меньшинства не ослабѣвала, число нашихъ сторонниковъ росло и, наконецъ, движеніе закончилось три года тому назадъ полнымъ торжествомъ нашей партіи. Собраніе послѣдняго трехлѣтія починъ почти по всѣмъ крупнымъ вопросамъ приняло на себя, выбрало управу честную, дѣятельную, точную въ исполненіи постановленій. Дѣло двигалось, но еще не было доведено до конца, какъ совершился полный переворотъ.

Что же сдѣлано въ направленіи, не прекращавшемся въ теченіи болѣе двадцатилѣтія? Меньшинство, имѣвшее права, постепенно отказалось отъ нихъ всецѣло; большинство, несшее обязанности, освободилось отъ той части ихъ, которая пала на меньшинство; большинство получаетъ на счетъ средствъ меньшинства нѣкоторыя удобства, которыхъ оно безъ этой помощи не могло бы имѣть, но которыя хотя отчасти облегчаютъ его трудное положеніе. Для примѣра укажемъ: переложеніе на денежный сборъ натуральныхъ повинностей—постоянной, подводной дорожной; уравнительная раскладка земскихъ повинностей при посредствѣ оцѣнки, выработанной на основаніяхъ одинаковыхъ для всѣхъ плательщиковъ; самая широкая постановка дѣла начальнаго народнаго образованія и земской медицины; начало обращенія крестьянскаго продовольствія въ земское и др. Совѣтуемъ нашимъ противникамъ, говоритъ А. Д. Повалишинъ, осмотрѣться вокругъ себя, углубиться въ свою совѣсть и задать себѣ вопросъ: ради какихъ интересовъ ведена настоящая избирательная борьба? Чѣмъ она вызвана? Въ чемъ насъ обвиняютъ?

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы не выходимъ изъ интересовъ крупнаго землевладѣнія, не поддерживаемъ его, относимся къ нему враждено.

Что мы не выходимъ изъ интересовъ крупнаго землевладѣнія,—это справедливо; что мы относимся къ нему враждебно,—это неправда.

---

*) Въ этотъ періодъ времени А. Д. Повалишинъ состоялъ членомъ уѣздной управы. Обязанности свои онъ несъ безплатно.

Развѣ въ земскомъ собраніи прилично поддерживать чьи либо отдѣльные интересы въ ущербъ интересовъ общихъ для всѣхъ? Развѣ крупное землевладѣніе на столько слабо, что оно требуетъ поддержки? Крупное землевладѣніе сильно уже само по себѣ, и если для него требовалась бы какая либо поддержка, то она должна итти не извнѣ, а внутри самаго крупнаго землевладѣнія. Какой оказался результатъ этой внѣшней, искуственной поддержки до сихъ поръ, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры? Крупное землевладѣніе можетъ быть поддержано лишь самими крупными землевладѣльцами. Союзъ ихъ, какъ людей поставленныхъ вполнѣ самостоятельно, людей независимыхъ, былъ бы дѣйствительною силою. Охраняя свое, относясь безкорыстно къ другимъ элементамъ, поступаясь тѣмъ, что явно несправедливо, что имѣетъ оправданіе только въ исторической необходимости, что рано или поздно должно прекратить свое существованіе, — союзъ этотъ служилъ бы твердою опорою крупнаго землевладѣнія. Но это нисколько не исключало бы необходимости со стороны этого союза сознавать другіе высшіе общественные союзы и добросовѣстно исполнять предъ ними обязанности. Тогда союзъ крупнаго землевладѣнія, сильный самъ по себѣ, союзъ людей, на права которыхъ никто никогда не покушался, — сталъ бы дѣйствительно во главѣ общаго дѣла и былъ бы еще сильнѣе и почетнѣе. Давно ли мы забыли имена такихъ почтенныхъ дѣятелей изъ состава крупнаго землевладѣнія? Неужели портреты ихъ мы выставляли вчера только затѣмъ, чтобы сегодня сдѣлать изъ нихъ пугало?

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы люди пришлые, не заинтересованные въ земскомъ дѣлѣ.

Что мы люди пришлые, — это опять неправда.

Что мы не заинтересованы въ земскомъ дѣлѣ, — это вѣрно по стольку, по скольку мы не ищемъ ни платныхъ мѣстъ, ни суетнаго вліянія, ни мишурной власти...

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы не жалѣемъ земскихъ денегъ, не щадимъ силы плательщиковъ, раздуваемъ земскія смѣты и довели платежныя средства населенія до совершеннаго истощенія.

Что смѣта наша высока, — это вѣрно; что средства плательщиковъ *нами* истощены, это новая неправда.

Наша смѣта росла изъ года въ годъ, въ соотвѣтствіе съ возраставшими и выясняющимися *неотложными* потребностями. Какіе главные расходы нашей смѣты? Вознагражденіе служащихъ — незначительно; оно едва ли выше вознагражденія правительственныхъ чиновниковъ, занимающихъ соотвѣтственныя должности. Въ обязательныхъ расходахъ, считая въ ихъ числѣ губернскія потребности, мы не по-

винны. Изъ необязательныхъ въ нашемъ бюджетѣ мы найдемъ только двѣ крупныя статьи: земская медицина и начальное образованіе. Безъ спора, обѣ могутъ быть свободно вычеркнуты изъ смѣты, но только не нашими руками. Пусть починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ нашимъ обвинителямъ. Мы же признаемъ безусловно необходимымъ дать населенію средства врачеванія, до тѣхъ поръ, пока весь капиталъ его въ здоровѣ; мы признаемъ справедливымъ на средства меньшинства содержать начальныя школы, до тѣхъ, по крайней мѣрѣ, поръ, пока на средства большинства содержатся среднія и высшія школы, существующія исключительно въ интересахъ меньшинства *). Повторяемъ, денегъ расходуется много; но когда говорятъ что эти деньги расходуются не экономно, на потребности, невызванныя необходимостью, или свыше платежныхъ силъ населенія,—это будетъ завѣдомая неправда. Не мы истощаемъ средства населенія: кому неизвѣстны причины истощенія ихъ? Мы помогаемъ его средствамъ, убѣждая меньшинство удѣлять часть своихъ избытковъ болѣе производительно...

Мы сошли со сцены, уступили свои мѣста другимъ, не потому, что не желаемъ, или не можемъ продолжать дѣло, на которое нами не мало потрачено труда и заботъ, а потому, что нынѣшній составъ избирателей освободилъ насъ отъ добровольно принятыхъ нами обязанностей. Но этимъ мы еще не выполнили свой долгъ до конца. Сами мы не можемъ слагать съ себя обязанностей до тѣхъ поръ, пока пользуемся услугами того общества, среди котораго живемъ и дѣйствуемъ: должны же мы платить этому обществу за его услуги чѣмъ нибудь? Нынѣшнее устраненіе наше можетъ быть и временнымъ, если тому же обществу вновь угодно будетъ призвать насъ къ земской дѣятельности. Къ этому мы должны быть готовы. Употребимъ свободное время на эту подготовку. Мы должны: зорко слѣдить за всѣмъ совершающимся въ земствѣ, учиться и много учиться, все болѣе и болѣе овладѣвать дѣломъ, крѣпко стоять за выработанные взгляды и идеалы, пропагандировать свои идеи гдѣ только возможно, пріобрѣтать сторонниковъ среди земскихъ людей **). И тогда только мы можемъ считать, что всѣ свои земскія обязанности мы выполнили добросовѣстно".

---

*) Въ 1880 и 1881 г.г. возникалъ въ губернскомъ собраніи вопросъ о пособіи гимназіи, о параллельныхъ классахъ въ гимназіи и объ открытіи вообще въ Рязани средне-учебнаго заведенія, въ виду большаго спроса на таковыя учебныя заведенія (Журн. собр. 1880 г. стр. 373 - 379 и Журн. собр. 1881 г. стр. 205), А. Д. Повалишинъ высказался противъ, такъ какъ земство, главнымъ образомъ, должно заботится о начальныхъ школахъ, а не о среднихъ школахъ, существующихъ только для меньшинства.

**) Въ томъ же 1886 году вышла брошюра единомышленниковъ А. Д. Повалишина по земству, подъ названіемъ: «О причинахъ перемѣны личнаго состава гласныхъ ряз. уѣздн. зем. собр. въ 1886 г.», Москва, 1886 г. Авторы брошюры были А. Дворжакъ и Н. Любарскій.

Въ этихъ выдержкахъ изъ открытаго письма А. Д. Повалишинъ встаетъ предъ нами во весь ростъ, съ его чуткою и преданною до самоотверженія земскому дѣлу душою, скорбящею и болѣющею за земскіе интересы. Въ этихъ словахъ вылилась глубокая скорбь „искренняго друга“ земства, „который никогда и нигдѣ, ни словомъ, ни намекомъ, ни апатичнымъ молчаніемъ не выражалъ охуленія земству или несочувствія къ нему, а напротивъ всегда и всюду съ достоинствомъ, съ подавляющею силою доводовъ, отстаивалъ земское дѣло“, стараясь быть „чуткимъ охранителемъ вѣсовъ земской правды“ *).

Оставшись не у земскихъ дѣлъ въ трехлѣтіе 1886—1888 г.г. Повалишинъ даетъ слово и призываетъ къ этому своихъ товарищей единомышленниковъ по земству „зорко слѣдить за всѣмъ совершающимся въ земствѣ, крѣпко стоять за выработанные взгляды и идеалы, пропагандировать свои идеи гдѣ только возможно... учиться и много учиться, все болѣе и болѣе овладѣвать дѣломъ“.

„Зорко слѣдя за совершающимся въ земствѣ“, „чуткій охранитель вѣсовъ земской правды“ взвѣсилъ на вѣсахъ правды земскую дѣятельность новаго состава рязанскаго уѣзднаго земства и охарактеризовалъ ее въ изданной имъ въ 1887 г. другой брошюрѣ подъ названіемъ „Реклама въ области земской дѣятельности“ **).

Регрессъ въ земской дѣятельности, благодаря „соглашенію“ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ выставить свою кандидатуру на земскія должности, для чего единомышленники ихъ, уже земскіе люди заранѣе старались имъ расчистить дорогу,—сталъ рѣзко ощущаться въ началѣ 1886 г. и въ губернскомъ земствѣ. Въ февральскую сессію

*) Такъ характеризовалъ Повалишина В. С. Буйнистровъ на собраніи губ. земства 1 дек. 1899 г., и между прочимъ, добавилъ: «Куда не взглянешь, что не вспомнишь изъ прежнихъ крупныхъ земскихъ дѣлъ, всюду Ал. Д. земскій огонекъ горитъ спокойнымъ, ровнымъ свѣтомъ и всюду свѣтятъ его особенно выдающіеся земскія способности. Въ собраніяхъ, въ комиссіяхъ, своимъ устойчивымъ взглядомъ онъ часто помогалъ намъ въ дѣлахъ умѣло разобраться; знатокъ дѣлъ земскихъ онъ прошлое намъ напоминалъ и мысли земскія, земскія желанія предугадывалъ».

**) Брошюра эта, изданная А. Д. Повалишинымъ въ ограниченномъ количествѣ, стала библіографическою рѣдкостью. Брошюру свою А. Д. Повалишинъ начинаетъ съ описанія одной рекламы сапожнаго мастерства. Въ газетахъ объ этой рекламѣ разсказывалось, что два соперника должны были драться на дуэли. Сойдясь въ условленномъ мѣстѣ, они заняли каждый свою позицію на деревьяхъ; орудіемъ борьбы служили особо приготовленные заряды изъ динамита. Первые два удара не имѣли результатовъ, но послѣ третьяго отъ враждующихъ не осталось никакихъ слѣдовъ, все было разнесено на самыя мелкія части. При этомъ замѣчательно то, что остались совершенно неповрежденными сапоги, *изготовленные тамъ-то. Желающіе имѣть подобные сапоги благоволятъ обращаться туда-то.* Расчетъ этой рекламы, говоритъ По-

собраній губернскаго земства въ 1886 г. уже начали быть большія разногласія. Разошлись во взглядахъ на постановку земскаго дѣла члены ревизіонной комиссіи и двое отказались отъ участія въ докладѣ, такъ какъ остальные члены ревизіонной комиссіи „пристрастно“ завинили губернскую управу въ нецѣлесообразности затратъ на постройки при губернской земской больницѣ и др. замѣченныя ими хозяйственные недосмотры. Начались пренія. А. Д. Повалишинъ предложилъ обсуждать докладъ ревизіонной комиссіи по пунктамъ, такъ какъ „по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ доклада и объясненій предсѣдателя управы онъ имѣетъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и возраженія“ (Журн. собр. 1886 г. 5 февр. стр. 45). Сторону А. Д. поддерживали еще двое гласныхъ. Но собраніе большинствомъ 30 противъ 18 голосовъ, въ виду того, что многіе гласные спѣшили „разъѣзжаться“ и просили скорѣе „кончить“ этотъ вопросъ, разсматривать докладъ по пунктамъ не захотѣло. Повалишинъ, недовольный отказомъ большинства обсуждать докладъ по пунктамъ, заявилъ, что если „собраніе не желаетъ его выслушать, то онъ считаетъ свое присутствіе здѣсь излишнимъ“ и ушелъ изъ собранія (тамъ же стр. 46). Новый элементъ гласныхъ, вошедшій отъ рязанскаго уѣзда въ губернское земское собраніе затѣмъ, чтобы внести свои планы въ земскую дѣятельность, а главное — затѣмъ, чтобы „увеличить интересы крупнаго землевладѣнія“, „содѣйствовать сокращенію губернской смѣты, такъ описываетъ А. Д. Повалишинъ въ своей брошюрѣ „Реклама въ области земской дѣятельности“ стр. 5. „Совершенно новые гласные прибыли въ губернское собраніе 1886 г.—ранѣе съ этимъ дѣломъ незнакомые; они попали въ такую среду, гдѣ уже много лѣтъ засѣдаютъ люди дѣльные, опытные, знающіе, люди, для которыхъ мысль о необходимости сокращенія смѣтъ есть ничто иное, какъ вновь открытая Америка. Очевидно, что у подобныхъ людей многому съ пользою для себя можно было научиться; но учить ихъ чему нибудь должно представляться въ высшей степени самонадѣяннымъ, а потому и смѣшнымъ. Эта самонадѣянность будетъ недалека отъ дерзости, если

валишинъ, двойной: она одинаково расчитана на людей умныхъ и глупыхъ, знающихъ и невѣждъ. О сапогахъ можетъ справиться умный и знающій человѣкъ. въ предположеніи, что они могутъ быть дѣйствительно хороши, доброкачественны и подходящи по цѣнѣ; но дуракъ и невѣжда непремѣнно купитъ подобные сапоги, въ полной увѣренности, что они на столько прочны, что въ состояніи выдержать силу взрыва динамита. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію, разоблаченію рекламы, имѣвшей мѣсто въ залѣ засѣданія рязанскаго уѣзднаго земскаго собранія въ сентябрѣ 1887 г.. рядомъ фактовъ, цифръ и вычисленій, и къ выводу, что въ рязанской земской мастерской совсѣмъ не шьютъ сапогъ. выдерживающихъ силу взрыва динамита; что утвержденіе объ этомъ есть *завѣдомая неправда*, расчитанная на лѣпь, незнаніе и добродушіе земскихъ плательщиковъ. А. Д. Повалишинъ «Реклама въ области земской дѣятельности», стр. 1—10.

хорошенько просмотрѣть полный списокъ губернскихъ гласныхъ на трехлѣтіе съ 1886 года; ни одинъ уѣздъ не представленъ такъ слабо, какъ рязанскій; и такіе-то представители мечтаютъ не только научить, но и дать тонъ всему губернскому собранію? Такъ оно и вышло. Представители рязанскаго уѣзда въ губернскомъ собраніи 1886 г. возмечтали, что они „*сведоми къ мести*“, что „*пути имъ вѣдоми*“, „*ярыгы имъ знаемы*“, что они идутъ въ собраніе „*ищуи себѣ чьти, а Князю славы*“, а кончили тѣмъ, что насмѣшили всѣхъ до слезъ. Дѣятельность ихъ выразилась въ безконечной *нудѣ*; нудили собраніе, гдѣ только возможно, требовали огульнаго пониженія смѣтъ въ извѣстномъ процентѣ, безъ приведенія какихъ бы то ни было основаній, а на замѣчаніе о неправильности подобныхъ требованій слышался одинъ отвѣтъ: „убавьте хоть 5%; ну, хоть что нибудь“! (стр. 5). Г.л. А. К. Дворжакъ и Н. Любарскій въ брошюрѣ „О причинахъ перемѣны личнаго состава гласныхъ“ старались доказать (А. Д. Повалишинъ говоритъ—*неопровержимо* доказали), что всѣ потуги искателей земскихъ должностей къ серьезному сокращенію смѣты разрѣшились безобразнымъ выкидышемъ, въ родѣ отнятія грошей у тѣхъ, у кого они всѣ въ счету“. (Повалишинъ стр. 3—4).

„Учиться и много учиться, все болѣе и болѣе овладѣвать дѣломъ“, призывалъ Повалишинъ „освобожденныхъ составомъ избирателей“ отъ земской дѣятельности товарищей по земству, въ своемъ открытомъ письмѣ отъ 28 іюня 1886 г.,— „нынѣшнее устраненіе наше можетъ быть и временнымъ, если тому же обществу вновь угодно будетъ призвать насъ къ земской дѣятельности. Къ этому мы должны быть готовы. Употребимъ свободное время на эту подготовку“. И А. Д. Повалишинъ сдержалъ свои слова, (а когда онъ не сдерживалъ); свободный отъ непосредственнаго участія въ земскихъ дѣлахъ онъ учился и много учился, слѣдя зорко за всѣмъ совершающимся въ земствѣ, онъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ дѣломъ. Въ свободное время отъ непосредственныхъ обязанностей по земству А. Д. занялся изученіемъ дореформеннаго строя земской дѣятельности. Плодомъ этихъ занятій явились напечатанные имъ два выпуска, подъ названіемъ „Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“.

Надежды на новое признаніе его обществомъ къ земской дѣятельности оправдались; въ слѣдующіе же трехлѣтіе онъ избирается гласнымъ и состоялъ имъ до самой смерти.

---

1 Декабря 1889 г. исполнялось 25-лѣтіе губернскаго земства. Еще въ 1888 г. на губернскомъ собраніи рѣшенъ былъ вопросъ о

составленіи обозрѣнія двадцати-пяти-лѣтней дѣятельности земства рязанской губерніи и мотивированнаго свода общихъ постановленій губернскаго земскаго собранія. Для исполненія этого постановленія, губернская управа, согласно желанію собранія, вошла въ соглашеніе съ А. Д. Повалишинымъ. А. Д. принялъ на себя трудъ, какъ по собиранію матеріаловъ и составленію проектированныхъ работъ, такъ и по ихъ изданію. Надзоръ за производствомъ работъ сосредоточенъ былъ въ лицѣ особаго совѣщанія изъ губернской управы и членовъ общей комиссіи. Совѣщаніемъ этимъ предварительно была одобрена подробная программа работъ, составленная А. Д. Повалишинымъ. Вошедшія въ Обзоръ свѣдѣнія, касающіяся дѣятельности уѣздныхъ земствъ, А. Д. собраны на мѣстахъ совмѣстно съ А. Н. Левашевымъ. Матеріаловъ оказалось такъ много, что всѣ подробности собранныхъ документовъ и матеріаловъ, въ виду ихъ разнообразія, не могли быть исчерпаны. Въ Обзоръ вошло лишь наиболѣе существенное. По окончаніи Повалишинымъ работъ по составленію свода постановленій губернскаго собранія, совѣщаніе изъ членовъ губернской управы и членовъ общей комиссіи выслушали пояснительный текстъ. Сводъ былъ совѣщаніемъ одобренъ и разрѣшенъ къ печатанію, какъ официальное изданіе земства. Что же касается до „Обозрѣнія дѣятельности земства“, то оно отъ начала до конца было совѣщаніемъ прослушано и одобрено, но къ печатанію разрѣшено какъ личный трудъ составителя. (Журн. Собр. 1 дек. 1889 г. стр. 2—3). На собраніи 1889 г. возникъ вопросъ объ изданіи на счетъ земства труда А. Д. Повалишина „Обозрѣніе 25-лѣтней дѣятельности земства рязанской губерніи“, совмѣстно съ составленнымъ имъ же „Сводомъ дѣйствующихъ постановленій рязанскаго губернскаго земскаго собранія“ и для обсужденія переданъ въ комиссію, которая нашла, что оба изданія должны быть признаны вполнѣ достигающими цѣли, для которой они были предприняты: „Сводъ“—служить практическимъ руководствомъ въ дальнѣйшей дѣятельности земства, „Обозрѣніе“—дать вѣрную картину того, что сдѣлано земствомъ за истекшее 25-лѣтіе, и потому предложила собранію: 1) сводъ утвердить и принять къ руководству, и 2) Обозрѣніе издать отъ лица земства, испросивъ на то надлежащее разрѣшеніе согласно правилъ о цензурѣ и разослать всѣмъ гласнымъ губернскаго земства и уѣздныхъ земскихъ собраній рязанской губерніи. Затѣмъ, въ виду истеченія 25-лѣтія земской дѣятельности, комиссія считала соотвѣтственнымъ положенію исходатайствовать въ установленномъ порядкѣ разрѣшеніе повергнуть экземпляръ составленнаго „Обозрѣнія“ къ стопамъ Его Императорскаго Величества.

Въ заключеніе Обзора земской дѣятельности А. Д. Повалишина нельзя не упомянуть еще объ одной сторонѣ ея—это стремленіи его популизировать и распространять, какъ можно шире, среди всего

населенія знанія по земскимъ вопросамъ путемъ изданія на счетъ земства, или путемъ частнаго почина, общедоступнаго земскаго журнала или земской газеты. Отчасти изъ этого стремленія вытекали всѣ его личныя работы по земскимъ вопросамъ, о которыхъ мы кратко будемъ еще говорить. Онъ самъ зналъ земское дѣло—и потому любилъ его; нужно и распространять знанія среди населенія,—чтобы и населеніе, узнавши земство,—полюбило его.

Вопросъ объ изданіи общедоступнаго земскаго журнала не разъ возникалъ въ губернскомъ земствѣ. Поднимался онъ въ 1875 году гл Аляичиковымъ (Журн. собр. 1875 г. стр. 325—326). Въ 1876 г. губернская управа пришла къ выводу, что земское дѣло интересно не для однихъ земскихъ учрежденій; оно не менѣе интересно и для всего земства въ полномъ его составѣ, т. е. для всего населенія губерніи, принимающаго участіе въ расходахъ на содержаніе земскаго хозяйства. Между тѣмъ, кромѣ гласныхъ, т. е. членовъ земскихъ учрежденій, никто изъ всей массы остальныхъ земскихъ людей прямымъ образомъ не только не имѣетъ возможности возбудить какой либо вопросъ или заявить свое мнѣніе по возбужденному уже земскому вопросу, но и познакомиться съ нимъ можетъ только или случайно, или окольнымъ путемъ, чрезъ посредство знакомыхъ гласныхъ.

Такое отчужденіе цѣлой массы земскихъ людей отъ всякаго участія въ обсужденіи земскихъ дѣлъ лишаетъ земство многихъ полезныхъ свѣдѣній, вѣрныхъ взглядовъ и практическихъ указаній.

Въ Рязани даже существовало періодическое изданіе: *земскій отдѣлъ* при губернской газетѣ съ 1869 г. по программѣ, утвержденной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ томъ же 1869 г., но изданіе это не имѣло ни редактора ни денегъ, а потому и недостигало назначенія.

Исходя изъ этой потребности рязанскому губернскому земству управой была представлена программа земскаго сборника и стоимость его изданія,—но „осуществленіе этого предположенія, хотя весьма полезнаго, а въ будущемъ и необходимаго“, въ то время было собраніемъ отложено (Жур. собр. 1876 г. стр. 73—76, 107). Потомъ вопросъ этотъ снова былъ поднятъ въ собраніи 1880 года, и за осуществленіе этого предпріятія земства особенно стоялъ Повалишинъ. Онъ говорилъ, что принципіально вопросъ этотъ уже разрѣшенъ собраніемъ въ 1876 г., а потому теперь, если ставить принципіально вопросъ, то слѣдуетъ спросить: желаетъ ли собраніе остаться при прежнемъ своемъ постановленіи 1876 года? (Журн. собр. 1880 г. стр. 415). Собраніе 1876 года, напомнилъ онъ, признавало изданіе журнала мѣрою весьма полезною, а *въ будущемъ* и необходимою, хотя тогда и преждевременною (тамъ же, стр. 412). Но теперь онъ, гласный, стоитъ за

изданіе журнала, такъ какъ въ этой только формѣ земскій матеріалъ сдѣлается доступнымъ для массы читающей публики (тамъ же стр. 405). Необходимо и печатаніе отчетовъ, смѣтъ, журналовъ засѣданій собраній,— но только для гласныхъ, такъ какъ земскіе гласные, рѣшающіе всѣ предложенные на обсужденіе ихъ вопросы, ни на чемъ другомъ не могутъ основать свои рѣшенія, какъ на этихъ документахъ; члены управы, приводящіе въ исполненіе рѣшенія собранія, точно такъ же не могутъ обойтись безъ нихъ. Но совсѣмъ въ другомъ положеніи стоятъ остальные земскіе плательщики, не участвующіе непосредственно въ рѣшеніи дѣлъ, для которыхъ, слѣдовательно, изученіе дѣла по документамъ (если бы таковые и издавались для всѣхъ) и не нужно и крайне обременительно. Для такихъ лицъ важны не документы, а самая суть дѣла, общіе выводы, указаніе на общее положеніе земскаго хозяйства, или той и другой части его въ отдѣльности, указаніе, сдѣланное на основаніи тѣхъ же документовъ, а потому имѣющее вполнѣ достовѣрный характеръ. А потому для земскихъ плательщиковъ, не состоящихъ гласными, важны не отчеты, смѣты, журналы и т. п., а такой спеціальный органъ, который давалъ-бы разработанный матеріалъ, т. е. земскій журналъ (Журн. собр. 1880 г. стр. 402, 405, 409). Но собраніе, большинствомъ 26-ти голосовъ противъ 11-ти, отклонило изданіе земскаго журнала (тамъ же, стр. 416). Повалишинъ былъ въ меньшинствѣ, желающемъ издавать журналъ, при особомъ мнѣніи (тамъ же, стр. 753).

Теперь уже земская дѣятельность Повалишина закончена.

На собраніи рязанскаго губернскаго земства 1 и 3 декабря 1899 г. итоги дѣятельности А. Д. старались подвести старѣйшіе и лучшіе представители земства кн. Н. С. Волконскій *), кн. Л. Н. Гагаринъ **),

---

*) Кн. Н. С. Волконскій говорилъ, что А. Д. былъ преданъ земству всею душою съ первыхъ дней поступленія въ гласные и до самой кончины и дѣятельность его всецѣло была посвящена земству. Онъ помнитъ то время, когда А. Д. явился въ собраніе въ качествѣ гласнаго. То было другое время, когда земство переживало большія надежды. Нѣкоторыя изъ нихъ сбылись, а другимъ не суждено было осуществиться. А. Д. поступилъ въ гласные почти въ одно время съ нимъ, кн. Волконскимъ, когда первые дѣятели начали уже сходить съ земскаго поприща, А. Д. не пропускалъ въ собраніи ни одной рѣчи, ни одного постановленія. Онъ былъ весь вниманіе и только, изучивъ земское дѣло, впослѣдствіи съ полнымъ знаніемъ и пониманіемъ его принялъ дѣятельное участіе въ работахъ собранія. Съ тѣхъ поръ большинство нашихъ земскихъ постановленій принято по его почину, или при его дѣятельной поддержкѣ и разработкѣ. Онъ сталъ единственнымъ знатокомъ земскаго дѣла.

**) Кн Л. Н. Гагаринъ говорилъ, что онъ вполнѣ присоединяется къ словамъ кн. Волконскаго. Съ утратой А. Д. Повалишина едва-ли въ составѣ земскаго собранія найдется другой гласный, который былъ бы такъ преданъ всею душою земскому дѣлу и такъ всецѣло отдавался ему, какъ покойный.

В. С. Буймистровъ *), А. Н. Левашевъ и др. все время стоящіе близко къ земскому дѣлу совмѣсто съ Повалишинымъ. Они называютъ Повалишина „единственнымъ знатокомъ земскаго дѣла“, „преданнымъ душою земству“, „искреннимъ другомъ земства“, неустаннымъ производительнымъ работникомъ“, „чуткимъ охранителемъ вѣсовъ земской правды“. А что сдѣлало губернское земство временъ Повалишина онъ самъ, Повалишинъ, подводитъ этому „общіе итоги“ въ своей литературной работѣ „Рязанское земство въ его прошломъ и настоящемъ“: Въ отношеніи отправленія повинностей достигнуто уравненіе, какъ среди уѣздовъ, такъ и сословій, а также отдѣльныхъ плательщиковъ. 2) Пути сообщенія, находящіеся въ завѣдываніи земства, приведены въ исправное состояніе и не вызываютъ опасеній для проѣзжающихъ. 3) Создана земская медицина и начальная народная школа. 4) Значительно расширено призрѣніе душевно-больныхъ и введено лѣченіе ихъ. 5) Организована санитарная помощь для борьбы съ эпизоотіями. 6) Продовольственные капиталы сбережены и пріумножены. 7) Установлены общія мѣры для предупрежденія и тушенія пожаровъ. 8) Приступлено къ изученію экономическаго благосостоянія населенія.

Все это сдѣлано безъ особеннаго обремененія плательщиковъ, уплачивающихъ земскій налогъ въ размѣрѣ, недостигающемъ $^1/_2{}^0/_0$ стоимости имущества; при чемъ на нѣкоторые предметы хозяйства въ настоящее время расходуется менѣе, чѣмъ расходовалось до введенія земскихъ учрежденій, не говоря о томъ, что они удовлетворяются несравненно полнѣе; таковы — расходы по отправленію дорожной и подводной повинностей“ (стр. 205 – 206).

Но неустанный земскій работникъ завѣщаетъ своимъ товарищамъ по земству на этомъ не останавливаться, какъ бы ни были благотворны достигнутые результаты, а идти въ удовлетвореніи земскихъ нуждъ рядомъ съ жизнью, рядомъ съ предъявляемыми потребностями.

„Не смотря однако на достигнутые значительные результаты въ каждой почти области земскаго хозяйства, продолжаетъ Повалишинъ далѣе: — есть вопросы, настоятельно требующія разрѣшенія — въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія дѣла. Вопросы эти частію только что назрѣли, и рѣшеніе ихъ должно быть предоставлено будущему; — остались не

---

*) В. С. Буймистровъ говорилъ: нѣсколько мѣсяцевъ назадъ скончался А. Д. Повалишинъ. Земская душа въ глубокой скорби и искренней печали, она потеряла искренняго друга, который никогда ни словомъ, ни намекомъ, ни апатичнымъ молчаніемъ не выражалъ охуленія земству или несочувствія къ нему, а напротивъ всегда и всюду съ достоинствомъ, съ подавляющею силою доводовъ отстаивалъ земское дѣло. Земство потеряло неустаннаго производительнаго работника съ высшими земскими способностями, потеряло одного изъ земскихъ чуткихъ охранителей вѣсовъ земской правды.

рѣшенными, по причинамъ отъ земства не зависящимъ. Возникновеніе новыхъ потребностей есть необходимое послѣдствіе всякаго живаго дѣла, такъ какъ жизнь не останавливается въ своемъ теченіи, а постоянно выдвигаетъ новыя нужды, предъявляетъ новыя требованія, возможное удовлетвореніе которыхъ лежитъ на обязанности земства. Точно очерченныхъ предѣловъ здѣсь быть не можетъ. Равнымъ образомъ и земство не можетъ останавливаться на одномъ только сознаніи исполненнаго долга, въ извѣстномъ ограниченномъ кругѣ дѣятельности, но обязано слѣдить за вновь возникающими потребностями, выяснять ихъ и изыскивать способы и средства къ ихъ удовлетворенію. Рядомъ съ этимъ есть вопросы, разрѣшеніе которыхъ собственными силами земству не доступно. Это слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ окончательныхъ результатовъ земской дѣятельности, т. е. какъ того, что имъ сдѣлано и не сдѣлано, такъ и того, что оно сдѣлать не могло. Законъ предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ, въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствовать самостоятельно, дѣятельность ихъ приравнена даже къ частной, не имѣющей ничего общаго съ дѣятельностью государственною; но такъ какъ тѣмъ же закономъ на нихъ возложено завѣдываніе, въ предѣлахъ извѣстной мѣстности, дѣлами, имѣющими не частное, а обще-государственное значеніе.— то дѣятельность земства не можетъ быть совершенно обособлена, а должна находиться въ тѣсной связи съ дѣятельностью правительственною, и чѣмъ связь эта прочнѣе, тѣмъ большее довѣріе оказывается земству, тѣмъ чаще удовлетворяются его справедливыя ходатайства; чѣмъ большимъ содѣйствіемъ оно пользуется со стороны правительственныхъ органовъ, тѣмъ успѣшнѣе результаты его дѣятельности“ (тамъ же стр. 207).

„Мы должны: зорко слѣдить за всѣмъ совершающимся въ земствѣ, говорилъ А. Д. Повалишинъ въ другомъ мѣстѣ,— учиться и много учиться, все болѣе и болѣе овладѣвать дѣломъ, крѣпко стоять за выработанные взгляды и идеалы, пропагандировать свои идеи гдѣ только возможно, пріобрѣтать сторонниковъ среди земскихъ людей.

„И тогда только мы можемъ считать, что всѣ свои земскія обязанности мы выполнили добросовѣстно“ *)...

Высочайшимъ положеніемъ 18 мая 1882 г. учрежденъ „для облегченія крестьянамъ всѣхъ наименованій способовъ къ покупкѣ земли въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы земель пожелаютъ продать, а крестьяне пріобрѣсти оныя“, (св. Зак. граж. т. XI, ч. II, ст. 1),

---

*) А. Д. Повалишинъ: Открытое письмо моимъ товарищамъ по земству. Рязань, тип. наслѣд. З. П. Поздняковой, стр. 7.

крестьянскій поземельный банкъ, давно желаемое рязанскимъ земствомъ кредитное учрежденіе. Мы видѣли, что рязанское губернское земство, „въ видахъ подъема народнаго благосостоянія содѣйствовать расширенію крестьянскаго землевладѣнія“, при ближайшемъ участіи Повалишина, еще въ 1881 г. выработало проектъ положенія о выдачѣ ссудъ земледѣльцамъ при покупкѣ ими земель и постановило ходатайствовать о его утвержденіи. Проектъ этотъ былъ на разсмотрѣніи г. Министра Финансовъ и возвращенъ для нѣкоторыхъ измѣненій. Благодѣтельное Высочайшее положеніе 18 мая 1882 г. объ учрежденіи крестьянскаго банка сняло съ рязанскаго земства не по средствамъ его заботу о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. Уставъ банка имѣлъ своею спеціальною задачею достиженіе той цѣли, къ которой стремилось рязанское земство, составляя проектъ вышеупомянутаго положенія. Оставалось только направить земское ходатайство о скорѣйшемъ открытіи крестьянскаго банка въ Рязани. На земскомъ собраніи 29 января 1883 г. возбуждено было это ходатайство. Необходимость открытія банка доказывалось тѣмъ, что въ рязанской губерніи было болѣе 52% ревизскихъ душъ, получившихъ въ надѣлъ менѣе 3 десятинъ, при чемъ 6% населенія губерніи имѣли не болѣе 1 дес. на душу; въ сапожковскомъ уѣздѣ было болѣе $^1/_3$ (35,9%) крестьянъ съ такимъ маленькимъ надѣломъ. Недостатокъ земельныхъ владѣній, или, точнѣе, несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ наличнымъ составомъ населенія заставили болѣе $^1/_{20}$ части этого населенія переселиться изъ рязанской губерніи. Въ 1884 году открылось въ Рязани отдѣленіе банка; значеніемъ крестьянскаго банка Повалишинъ былъ страстно увлеченъ. Сколько разъ приходилось мнѣ слышать отъ А. Д. Повалишина, во время уже его управленія имъ: „вотъ за какимъ учрежденіемъ должна быть признана великая будущность, вотъ какое учрежденіе имѣетъ всеобъемлющее значеніе“.

Съ 1890 года Повалишинъ сталъ управлять самъ отдѣленіями крестьянскаго и дворянскаго банковъ въ Рязани и въ этомъ родѣ дѣятельности въ высшихъ административныхъ и финансовыхъ сферахъ считался за человѣка знающаго и опытнаго и пользовался тамъ большою извѣстностью. Въ послѣдніе годы Повалишинъ постоянно былъ вызываемъ въ Петербургъ въ качествѣ опытнаго управляющаго для совѣщаній по дѣламъ банка. По закону на управляющихъ банковъ возлагается непосредственное завѣдываніе всѣми дѣлами и операціями банка. Въ 1893 году Повалишину въ качествѣ управляющаго, поручены непосредственное завѣдываніе и ликвидація купленнаго крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ громаднѣйшаго Песочинскаго имѣнія. Площадь, занимаемая имѣніемъ, по обмѣру и описанію, произведенному въ 1894 г. опредѣлена въ 16255 дес. 1620 саж. Въ имѣніи находились центральная усадьба и 12 хуторскихъ хозяйствъ. Въ имѣніи

два винокуренныхъ завода, механическая мастерская, три мельницы, базарная площадь въ с. Песочнѣ, кирпичный заводъ и лѣсныя дачи, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ имѣнія. Песочинское имѣніе пріобрѣтено для распродажи земель его нуждающемуся въ нихъ мѣстному крестьянскому населенію. Конечно, ликвидація Песочни могла быть произведена скоро. Но ввиду бѣдности мѣстнаго крестьянскаго населенія признано, что немедленная передача крестьянамъ имѣнія въ собственность съ выдачею банкомъ ссуды, можетъ вредно отозваться на ходѣ всего дѣла и благосостояніи самихъ крестьянъ, такъ какъ, въ случаѣ обремененія заемщиковъ непосильными для нихъ платежами, изъ нихъ многіе не будутъ въ состояніи удержать за собой пріобрѣтенные участки. Такимъ образомъ, поспѣшная ликвидація не принесла бы пользы маломочному крестьянскому населенію и отозвалась бы нарушеніемъ правильнаго выполненія общаго плана ликвидаціи. Къ осуществленію этой цѣли, поэтому, приступлено, по представленію Повалишина, съ крайнею осторожностью и осмотрительностью. Дѣло это было чрезвычайно трудное, хлопотливое и отвѣтственное, особенно первые годы 1893, 1894 и пожалуй 1895, когда съ крестьянами только велись переговоры, и все имѣніе эксплоатировалось на счетъ банка; и нужно было самому рязанскому отдѣленію слѣдить за посѣвами, за сборомъ и сбытомъ хлѣбовъ и травъ, за скотомъ и его приплодомъ въ этомъ громадномъ имѣніи и за двумя винокуренными заводами, но прекращавшими свою работу. Но рязанскимъ отдѣленіемъ банка, кромѣ этого, для увеличенія доходности имѣнія, а отчасти и для хозяйственныхъ нуждъ, въ 1895 г. въ имѣніи положено начало новой отрасли хозяйства—выработкѣ кирпича.

Трудность управленія таковымъ громаднымъ хозяйствомъ увеличивалась тѣмъ, что нужно было, чтобы имѣніе это: 1) не приносило убытка и 2) способствовало развитію хорошаго заработка и благосостоянія мѣстнаго крестьянскаго населенія. А поэтому песочинская экономія нуждающимся крестьянамъ отпускала заимообразно на обсѣмененіе полей рожь, овесъ, картофель. Снабженіе сѣменами, впрочемъ, вызывалось не одною нуждою крестьянъ а и желаніемъ банка дать имъ возможность обзавестись лучшими сѣменами. Мѣры эти, конституируетъ отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка 1896 г., имѣли большое значеніе; отпускаемыя экономіей сѣмена высокаго качества и хорошей сортировки обусловливали и хорошее качество зерна урожая, а слѣдовательно и болѣе высокую стоимость его. Покупщики хлѣбовъ на окрестныхъ базарахъ искали продуктовъ тѣхъ крестьянъ, которые пользовались сѣменами экономіи. Нечего и говорить о значеніи безпроцентной ссуды сѣмянъ нуждающимся въ нихъ: ранѣе крестьяне недостающее у нихъ количество зерна брали въ долгъ у мѣстныхъ мелкихъ хлѣбо-торговцевъ за большіе проценты. При этомъ ссуды

нѣкоторыхъ продуктовъ напр. картофеля возвращались экономіи натурой. При уборкѣ хлѣбовъ крестьяне могли безплатно пользоваться находящимся на хуторахъ инвентаремъ: молотилками, вѣялками, сортировками.

Планъ ликвидаціи, вслѣдствіе бѣдности крестьянъ, управленіемъ рязанскаго отдѣленія банка выработанъ слѣдующій: сначала просимыя крестьянами земли предварительно сдавались имъ въ 9-ти лѣтнюю аренду съ тѣмъ, что, въ случаѣ исправнаго взноса въ теченіе этого срока арендныхъ платежей, имъ выдавались крѣпостные акты на арендуемыя земли, при чемъ арендаторамъ, при условіи той же исправности въ платежахъ, предоставлялось ходатайствовать о выдачѣ купчихъ крѣпостей и ранѣе арендnаго срока.

Арендная плата опредѣлялась въ размѣрѣ, равномъ суммѣ платежей, какіе крестьяне платили бы по ссудамъ, если бы таковыя были имъ выданы подъ эти земли, при этомъ Повалишинъ исходатайствовалъ у совѣта банка, чтобы за счетъ арендной платы принимались въ экономіи сельско-хозяйственные продукты, рожь, овесъ, картофель, по существующей въ данное время рыночной цѣнѣ.

Но и при всѣхъ льготахъ ликвидація громаднаго имѣнія шла не шибко, особенно мало было надежды ликвидировать скоро дальнія земли отъ селеній, чтобы можно было во время обработывать поля, нужно переселиться и сѣсть на дальнихъ земляхъ. Но переселеніе для крестьянъ сопряжено съ большимъ затрудненіемъ, хотя банкъ и обязывался придти на помощь переселенцамъ выдачею изъ запасовъ имѣнія строительныхъ матеріаловъ по пониженной цѣнѣ. Нужны были на оборудованіе хозяйства и дома еще деньги. Тогда Повалишинъ возбудилъ ходатайство предъ земствомъ о пособіи обычно выдаваемомъ переселенцамъ, по 75 руб. на домохозяина, дабы устранить скученность существующихъ селеній. Но такъ какъ по установленнымъ правиламъ на пособіе земское имѣли право лишь лица, переселяющіяся на собственныя земли, то А. Д. выхлопоталъ разрѣшеніе у Министра Финансовъ предоставить переселенцамъ воспользоваться безпроцентною ссудою по 75 руб. на дворъ изъ средствъ песочинскаго имѣнія, съ условіемъ погашенія ея тѣмъ пособіемъ отъ земства, на полученіе котораго они будутъ имѣть право по укрѣпленіи за ними арендуемыхъ у банка земель. Благодаря этимъ условіямъ часть крестьянъ поселилась на дальнихъ земляхъ и образовала свои поселки. Съ сокращеніемъ полеваго хозяйства, по случаю передачи пахатныхъ и сѣнокосныхъ земельныхъ угодій, лишній живой инвентарь, какъ то лошади и коровы продавались мѣстнымъ же крестьянамъ съ разсрочкою платежа. На средства имѣнія, благодаря ходатайству А. Д., выстроены двѣ церковно-приходскія школы, коимъ отведены въ безплатное поль-

зованіе 6 десятинъ земли. Въ интересахъ мѣстнаго населенія уступлено сапожковскому земству подъ больницу принадлежащее песочинской экономіи зданіе. Къ 1899 году вся пахатная и луговая земля была ликвидирована мѣстному крестьянству, а лѣсныя дачи переданы въ вѣдѣніе Министерства Землевладѣнія.

Послѣ преобразованія земскихъ учрежденій, по положенію 1890 г., Повалишинъ былъ избранъ членомъ въ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, въ каковой должности оставался до самой смерти. Повалишинъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя губернскаго статистическаго комитета и Предсѣдателемъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. На участіи его въ послѣднемъ учрежденіи т. е. въ Архивной Комиссіи нельзя не остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ тамъ А. Д. принималъ участіе не какъ только Предсѣдатель, имѣющій первое и почетное кресло въ учрежденіи, и вслѣдствіе этого несущій только представительство учрежденія,—а какъ центральное лицо, около которое все группировалось, все оживало, все цвѣло, все получало силу и значеніе, все вертелось имъ, чрезъ него и въ немъ.

15 іюня 1884 г. основалось въ Рязани скромное ученое общество подъ названіемъ Высочайше утвержденной Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, задачи котораго состоятъ въ разработкѣ мѣстныхъ архивовъ и изученіи мѣстнаго края въ историческомъ и археологическомъ отношеніяхъ. 30 марта 1885 г. А. В. Селивановымъ былъ предложенъ въ члены Комиссіи, а 5 мая того же года избранъ былъ въ одинъ день съ извѣстнымъ проф. М. М. Ковалевскимъ А. Д. Повалишинъ членомъ Комиссіи. 7 іюня 1885 года Правитель дѣлъ уже докладывалъ, что А. Д. Повалишинъ взялъ на себя описаніе нѣкоторыхъ дѣлъ конца и начала нынѣшняго столѣтія, которыя имѣютъ отношеніе къ земскимъ вопросамъ и уже представилъ для напечатанія въ Трудахъ рефератъ, составленный на основаніи разобранныхъ имъ дѣлъ, „объ училищѣ землянаго битнаго строенія въ 1797 г. (Жур. Арх. Ком. 1885 г.). 6 октября 1885 года А. Д. въ первый разъ принялъ участіе въ засѣданіяхъ Архивной Комиссіи. О его дѣятельности по протоколамъ Архивной Комиссіи, между прочимъ, узнаемъ, что А. Д. занимался изученіемъ журналовъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, хранящихся въ архивѣ губернской земской управы. На основаніи извлеченныхъ изъ этихъ журналовъ свѣдѣній, а также изъ разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ, хранящихся въ историческомъ архивѣ, Повалишинъ составилъ замѣтку „о чертежномъ отдѣленіи для гражданской службы при дворянскомъ воспитательномъ заведеніи“ (Жур. 6 окт. 1885 г. стр. 6). Отчетъ 1885 года констатируетъ, что А. Д. Повалишинъ издалъ 2-й выпускъ „Опыта разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“, при составленіи котораго

между прочимъ, пользовался дѣлами рязанскаго историческаго архива (Жур. 9 февр. 1886 г. стр. 3). Съ 1887 года Повалишинъ начинаетъ пользоваться авторитетомъ: его всегда единогласно избираютъ заступающимъ мѣсто предсѣдателя по случаю отсутствія на очередныхъ засѣданіяхъ предсѣдателя и его товарища (Журн. Арх. Ком. 20 сент. 1887 г.). Съ 1888 года онъ сдѣлался завсегда— таемъ засѣданій Архивной Комиссіи и занялъ въ ней исключительное положеніе по своимъ работамъ по исторіи крѣпостнаго права. Пробѣгая протоколы засѣданій комиссіи съ этого времени, вы постоянно встрѣчаете имя Повалишина; то онъ предложилъ, то доложилъ, то напечаталъ... съ тѣмъ постановлено согласиться. Съ 17 декабря 1889 года Повалишинъ избранъ Товарищемъ Предсѣдателя Комиссіи, а съ 2 февраля 1896 года—Предсѣдателемъ. Подъ его предсѣдательствомъ Архивная Комиссія оживляется, достигаетъ высокой степени своего развитія. Архивная Комиссія пріобрѣтаетъ довѣріе и уваженіе публики. Объ ея Трудахъ заговорили въ ученыхъ кружкахъ, ученыхъ учрежденіяхъ и въ общей литературѣ *) Архивная Комиссія по плодотворности своей дѣятельности заняла первое мѣсто среди 20 существующихъ въ Россіи Комиссій. Труды ея привлекаютъ вниманіе ученыхъ историковъ. Проф. Ключевскій въ письмѣ къ одному изъ членовъ Архивной Комиссіи кн. Н. С. Волконскому писалъ, что-бы онъ передалъ благодарность Комиссіи за присылку ея изданій, которыя онъ читаетъ отъ первой строки до послѣдней и считаетъ издаваемые Комиссіею матеріалы, по значенію ихъ, выдающимися. На послѣднемъ Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ секретарь Археографической Комиссіи г. Довнаръ-Запольскій, дѣлая обзоръ дѣятельности архивныхъ комиссій за послѣдніе три года, говоритъ о Рязанской, какъ о первой по своей дѣятельности и даже матеріальнымъ средствамъ, которыя возросли до 3000 р. въ годъ благодаря уступаемому въ пользу Комиссіи А. Д. Повалишинымъ жалованью по должности члена губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствію, по 2000 р. каждо-годно, въ теченіи $3^1/_2$ лѣтъ. Эти трехлѣтнія пожертвованія Повалишина составляютъ почти половину всего бюджета Комиссіи за 15 лѣтъ ея существованія. Предоставляемыя Повалишинымъ средства дали возможность развернуться и двинуться впередъ всѣмъ сторонамъ дѣятельности Архивной Комиссіи, что же касается археологическаго отдѣленія, то только благодаря этимъ средствамъ членамъ Архивной Комиссіи можно было начать систематическія, правильныя археологическія раскопки. Вотъ что напр. въ 1896 г. говорилъ руководитель археологическими раскопками А. И. Черепнинъ о значеніи жертвуемыхъ Повалишинымъ матеріальныхъ средствъ для Комиссіи: „текущій годъ является особенно благопріятнымъ, можно сказать, исключительнымъ годомъ за все

*) См. Рус. Вѣд. и Рус. М. 1898 и Рус. Бог. 1899 г. № 4. Ист. В. 1899 г.

время существованія Архивной Комиссіи. Недостатокъ въ денежныхъ средствахъ былъ обычнымъ спутникомъ въ жизни комиссіи со времени ея открытія и въ значительной мѣрѣ тормозилъ ея дѣятельность. И только въ нынѣшнемъ году, благодаря поддержкѣ уѣздныхъ земствъ и крупному денежному пожертвованію нашего уважаемаго Предсѣдателя А. Д. Повалишина и его энергичному содѣйствію въ осуществленіи прямыхъ задачъ Архивной Комиссіи, впервые оказалось возможнымъ, независимо отъ центральныхъ археологическихъ учрежденій, приступить къ самостоятельному выполненію ранѣе выработаннаго плана, намѣчающаго характеръ и направленіе археологическаго изслѣдованія Рязанскаго края. Прочно поставленныя и въ настоящее время уже начатыя работы, въ теченіи трехъ, четырехъ лѣтъ, будутъ доведены до конца и навсегда останутся лучшими памятниками дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссіи“ (Тр. Ком. 1896 г. стр. XLIX). Благодаря тѣмъ же матеріальнымъ средствамъ, при непосредственномъ участіи А. Д. Повалишина, начаты изданія первоисточниковъ—древнихъ актовъ и писцовыхъ книгъ Рязанскаго края. „Починъ изданія актовъ, говоритъ А. И. Черепнинъ, всецѣло принадлежитъ А. Д. Повалишину и производится на его средства и при его непосредственномъ участіи. Живое отношеніе иниціатора къ начатымъ уже по этому предмету работамъ служитъ надежною порукою удачнаго исполненія предпринятаго изданія“ (тамъ же). Рязанская Ученая Архивная Комиссія не разъ въ теченіи своего существованія поднимала вопросъ объ изданіи первоисточниковъ, могущихъ освѣтить исторію и древній бытъ Рязанскаго края *),—но не могла приступить къ изданію, пока матеріально не пришелъ на помощь Комиссіи Повалишинъ. 21 февраля 1896 г., согласно просьбы А. Д., проф. П. Н. Милюковымъ выработана была и представлена въ Комиссію программа изданія „Актовъ Рязанскаго края“. П. Н. Милюковъ предлагалъ и Архивною Комиссіею постановлено: приступить къ изданію актовъ Рязанскаго края: а) древнѣйшихъ до 1613 года, г) помѣстныхъ и вотчинныхъ и б) монастырскихъ и в) писцовыхъ книгъ Рязанскаго края“, оба изданія вести параллельно, при чемъ для перваго привести въ извѣстность наличный матеріалъ актовъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи, въ архивѣ дворянскаго депутатскаго собранія, Архивной Комиссіи, въ семинарской библіотекѣ и въ архивахъ Богословскаго и Солотчинскаго монастырей, а также и въ частно-владѣльческихъ архивахъ, а для втораго изданія поставить на первую очередь печатаніе писцовыхъ книгъ конца XVI вѣка и времени Михаила Федоровича и обратиться къ дѣйствительному члену Комиссіи

*) Въ засѣданіи 21 февр. 1890 г. комиссіей было постановлено, по предложенію правителя дѣлъ А. В. Селиванова, приступить къ изданію рязанскихъ писцовыхъ книгъ XVI—XVII в.

В. Н. Сторожеву съ просьбою принять на себя трудъ редактированія изданія писцовыхъ книгъ. (Тр. Ком. 1896 г. стр. XIII). 6 марта 1896 года В. Н. Сторожевъ, лично присутствуя въ собраніи членовъ Архивной Комиссіи заявилъ, что, находя крайне симпатичнымъ и важнымъ желаніе Комиссіи приступить къ изданію писцовыхъ книгъ, о чемъ вездѣ, къ сожалѣнію, болѣе говорятъ, чѣмъ дѣлаютъ,— онъ съ особымъ удовольствіемъ принимаетъ на себя трудъ по редактированію предполагаемаго изданія. При чемъ совершенно согласенъ съ тѣми предположеніями, которыя по этому вопросу были сдѣланы въ прошломъ засѣданіи П. Н. Милюковымъ и формулированы въ постановленіи Комиссіи. А. Д. Повалишинъ энергично принялся за это: печатаніе онъ рѣшилъ начать здѣсь въ Рязани подъ его личнымъ присмотромъ; вскорѣ лично рѣшилъ дѣло съ типографіею Орловой и уже въ концѣ года 1896 г. начато было печатаніе. Въ 1898 году вышелъ первый томъ Писцовыхъ книгъ; въ 1899 году выйдетъ 2-й томъ и все изданіе, благодаря послѣднему пожертвованію рязанскаго губернскаго земства въ память гласнаго А. Д. Повалишина „900 руб. на окончаніе Писцовыхъ книгъ“— будетъ окончено въ 1900 году. Тогда Рязанскою Ученою Архивною Комиссіею „на память о незабвенномъ Предсѣдателѣ А. Д. Повалишинѣ“ будетъ сдѣлано то, чего не имѣется въ нашей русской археологической литературѣ, а именно, строго научное и систематическое изланіе писцоваго матеріала т. е. изданіе статистическихъ, финансовыхъ, экономическихъ и правовыхъ первоисточниковъ Рязанской губерніи за XVI в. Разумѣется, что изданіе „Древнихъ актовъ Рязанскаго края“, которое предполагалось вести параллельно,— со смертію А. Д. должно быть отложено на неопредѣленное время по неимѣнію на то нужныхъ средствъ.

Историко-археологическій музей, его развитіе, обезпеченіе матеріально и помѣщеніемъ составляли одну изъ главныхъ заботъ Повалишина. Въ созданія музея участвовало много лицъ, а между ними Повалишинъ занималъ положеніе одно изъ первыхъ. Рѣдкое засѣданіе проходило, что-бы онъ лично отъ себя что либо не пожертвовалъ. На покупку древнихъ вещей для музея и вообще его содержаніе и развитіе А. Д. не препятствовалъ широко тратить лично жертвуемыя имъ деньги. Особенно же безпокоила Повалишина необезпеченность въ помѣщеніи музея и вообще Архивной Комиссіи. 29 октября 1897 г. Повалишинъ внесъ предложеніе объ основаніи фонда на постройку музея: „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе становится замѣтною тѣснота занимаемаго Комиссіею помѣщенія. Въ текущемъ году, вслѣдствіи, помѣщенія кустарнаго Музея въ особое помѣщеніе нѣсколько расширилось помѣщеніе, занимаемое нашимъ историческимъ музеемъ; но тѣмъ не менѣе недостаточность его такъ велика, что не позволяетъ размѣстить всѣ принадлежащіе музею предметы, съ цѣлію обзора ихъ

публикою. Значительная часть ихъ по необходимости находится подъ спудомъ и пока не можетъ быть выложена для обзора. Тѣснота эта отражается и на библіотечномъ дѣлѣ; скоро поступающія въ Комиссію ежегодно въ достаточномъ числѣ книги негдѣ будетъ размѣщать. Все это неизбѣжно вызываетъ къ рѣшенію неотложный въ настоящее время вопросъ о расширеніи помѣщенія Архивной Комиссіи. Вопросъ этотъ тѣмъ настоятельнѣе, что нынѣ даже нѣтъ увѣренности въ прочности съ такимъ трудомъ начатаго и продолжаемаго дѣла, ибо самое охраненіе собраннаго матеріала становится затруднительнымъ, мало обезпеченнымъ, подверженнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ. Вообще дѣло стоитъ такъ, что для Комиссіи безусловно необходимо имѣть свое особое помѣщеніе, спеціально приспособленное для ея цѣлей и вполнѣ удовлетворяющее своему назначенію; это вызываетъ необходимость въ постройкѣ своего зданія. Средствъ на это въ настоящее время нѣтъ, да и въ ближайшемъ будущемъ добыть ихъ довольно трудно, если не расчитывать на какую нибудь случайность; и по сему нынѣ же было бы необходимо, покрайней мѣрѣ, приступить къ образованію капитала на постройку зданія; чѣмъ скорѣе мы это сдѣлаемъ, тѣмъ скорѣе можетъ осуществиться наше пожеланіе. Онъ, Повалишинъ, давно уже обдумывалъ высказанную мысль; неразъ бесѣдовалъ по этому поводу съ разными лицами. Въ послѣднее время, переговоривъ съ нѣкоторыми членами Комиссіи, онъ убѣдился въ полномъ сочувствіи этому дѣлу, въ возможности осуществленія его въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и даже въ наличности нѣкоторыхъ средствъ, съ помощью коихъ можно нынѣ же приступить къ дѣлу. Нѣкоторые члены Комиссіи выразили свое желаніе совмѣстно устроить рядъ публичныхъ чтеній, сборъ съ коихъ и будетъ первымъ камнемъ въ фундаментѣ воздвигаемаго нами зданія“.

Предложеніе было принято всѣми членами съ большимъ сочувствіемъ. Благодаря лекціямъ и частнымъ пожертвованіямъ фондъ росъ; въ настоящее время въ особомъ фондѣ на постройку историческаго музея имѣется до 1700 рублей. Но этой суммы недостаточно и на одинъ фундаментъ. А нужда не ждала; тѣснота помѣщенія сказывалась съ каждымъ днемъ ощутительнѣе и замѣтнѣе. Вопросъ о болѣе просторномъ помѣщеніи гнететъ душу ея Предсѣдателя А. Д. Повалишина. Думы за думой, планы за планомъ проходятъ въ его головѣ. Должны дать средства, думаетъ она, богатые уроженцы Рязанской губерніи. Но прибѣгли къ богатымъ; отвѣта не послѣдовало *). Надежды на сотни-тысячи не стало, А. Д. задумался о копейкахъ. „А что если бы возможно было собрать съ каждой души Рязанской губерніи единовременно по 1 ко-

*) Если не считать пожертвованій отъ людей сравнительно не богатыхъ: Преосвященнаго Углицкаго Іоанникія, кн. В. П. Голицына, И. В. Сильникова, неизвѣстнаго черезъ А. Д. Повалишина... и А. П. Бахрушина.

пейкѣ! Одну копейку всякій дастъ: копейка не отяготитъ и бѣдняка. Но какъ организовать это дѣло! Думайте вы, И. И., думайте вы, А. И., думайте вы, В. А. обращался онъ къ членамъ.

Образованіе историческаго архива также шло, главнымъ образомъ, подъ руководствомъ А. Д. и при непосредственномъ участіи. Съ 1893 года онъ принимаетъ постоянное участіе въ субботникахъ, когда членами Комиссіи обыкновенно производится разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ къ уничтоженію, съ цѣлію выдѣлить изъ нихъ „для сосредоточенія и вѣчнаго храненія“ въ историческомъ архивѣ тѣ, которыя для текущаго дѣлопроизводства не нужны, „но болѣе или менѣе важны въ историческомъ отношеніи“. При выборѣ дѣлъ для вѣчнаго храненія пока не существуетъ никакихъ инструкцій. Только въ нынѣшнемъ году Археографическою Комиссіею при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ поднятъ вопросъ о выработкѣ особой инструкціи для руководства при выдѣленіи изъ губернскихъ и уѣздныхъ архивовъ дѣлъ для храненія въ историческомъ архивѣ. Рязанская Ученая Архивная Комиссія еще въ отчетѣ за 1893 г. высказывала сожалѣніе о томъ, что для разбора дѣлъ не создано никакихъ правилъ и системы. Члены Комиссіи слѣдуютъ въ этомъ случаѣ нѣкоторымъ указаніямъ, брошеннымъ вскользь въ рѣчи Н. В. Калачева, сказанной имъ при открытіи Рязанской Комиссіи, не безъ участія субъективнаго взгляда, вносимаго опытностью нѣкоторыхъ членовъ, набитою практикою. Указанія Повалишина тутъ были по истинѣ незамѣнимыми, такъ какъ никто лучше его не могъ быть знакомымъ съ характеромъ дѣлъ разныхъ архивовъ: Повалишинъ добрую половину своей жизни возился съ архивными дѣлами, работая надъ составленіемъ многочисленныхъ своихъ статей. Подъ его руководствомъ составлялись описи находящимся въ историческомъ архивѣ дѣламъ. Послѣднею волею покойнаго А. Д. Повалишина было собрать всѣ земскія дѣла, не нужныя земскимъ управамъ для текущаго дѣлопроизводства, и выбрать изъ нихъ для храненія въ историческомъ архивѣ тѣ дѣла, которыя могли бы, служить матеріаломъ для исторіи земства. Воля покойнаго свято чтится и исполняется Комиссіею. Прошедшею осенью Архивною Комиссіею сдѣланъ починъ въ этомъ направленіи: ею разсмотрѣны дѣла зарайской земской управы и изъ нихъ около половины дѣлъ оставлены для храненія въ историческомъ архивѣ, какъ могущія имѣть значеніе для исторіи дѣятельности зарайскаго земства. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ изъ протоколовъ сапожковскаго собранія усмотрѣно было постановленіе, состоявшееся по докладу управы,— объ очищеніи архива отъ старыхъ дѣлъ, не нужныхъ для дѣлопроизводства, Комиссія, помня волю покойнаго, немедленно отнеслась въ сапожковскую земскую управу о томъ, чтобы на основаніи

Высочайше утвержденнаго положенія 1884 г., дѣла предназначенныя къ уничтоженію представлены были для просмотра въ Архивную Комиссію.

Какъ Предсѣдатель—Повалишинъ можетъ служить образцомъ для для будущихъ Предсѣдателей Комиссіи. На засѣданія являлся онъ нерѣдко раньше всѣхъ: придешь, онъ уже сидитъ на своемъ стулѣ и попыхиваетъ папироску. Какъ образцовый Предсѣдатель Повалишинъ зналъ дѣло Архивной Комиссіи во всѣхъ частяхъ и могъ давать свои совѣты и справки по всѣмъ, возникавшимъ вопросамъ. И Архивная Комиссія знала въ А. Д. Повалишинѣ не одного Предсѣдателя, облеченнаго извѣстными полномочіями и только благородно отзывавшагося и сочувствовавшагося ея дѣятельности,—а и рядоваго работника, неутомимаго члена—сотрудника, который принималъ въ Комиссіи во всемъ самое дѣятельное, активное участіе, влагая всюду свою душу. А. Д. Повалишинъ, говоритъ некрологъ Рязанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 21 іюля 1899 г. въ № 52, былъ центромъ, душой, главнымъ инпціаторомъ и руководителемъ всѣхъ работъ и предпріятій Архивной Комиссіи, вездѣ участвуя въ ней лично и матеріально, подмѣчая и умѣло пользуясь всѣмъ, что можетъ служить къ развитію и расширенію дѣятельности Архивной Комиссіи. Почти ни одного собранія въ Архивной Комиссіи не проходило безъ того, чтобы онъ не поднялъ на нихъ того или другого научнаго или практическаго вопроса, который и рѣшалъ самъ, такъ какъ обладалъ всесторонними, энциклопедическими знаніями и долголѣтнею опытностью. Онъ умѣлъ вдохнуть жизнь даже въ пыльное архивное дѣло. Нужно было удивляться, какъ могъ онъ влагать и въ Архивную Комиссію столько личнаго труда, обремененный служебными должностями и ближайшимъ участіемъ въ разныхъ земскихъ и городскихъ комиссіяхъ. Предпріимчивый, энергичный и бодрый, какъ Предсѣдатель, А. Д. Повалишинъ, поднявъ значеніе Комиссіи въ глазахъ публики, привлекъ въ члены ея и соединилъ подъ своимъ главенствомъ много молодыхъ, свѣжихъ и почтенныхъ мѣстныхъ силъ. Во всякомъ городскомъ обществѣ для полезнаго дѣла могутъ найтись нужныя лица—нужно только умѣть привлечь ихъ на сторону предпринятаго дѣла и указать имъ средства, какъ послужить на пользу его. Въ этомъ заключается лучшее достоинство Предсѣдателя. А этимъ достоинствомъ и обладалъ Повалишинъ. Подъ своимъ главенствомъ онъ объединилъ много полезныхъ для Комиссіи лицъ. Со времени его предсѣдательства Комиссія начала функціонировать съ неслыханнымъ оживленіемъ... Закипѣла работа дружная и бодрая.

1895 и 1896 годы прошли съ особеннымъ оживленіемъ въ дѣятельности Архивной Комиссіи благодаря двумъ лицамъ А. Д. Повалишину и новому члену Комиссіи П. Н. Милюкову. Проф. П. Н.

Милюковъ, вступивши въ число членовъ Комиссіи 19 апрѣля 1895 г., любезно принялъ на себя трудъ познакомить желающихъ членовъ съ чтеніемъ, характеромъ и описаніемъ древнихъ актовъ. Желающихъ оказалось 5 человѣкъ и между ними А. Д. Повалишинъ. Уроки эти происходили каждый праздничный и воскресный день въ квартирѣ А. Д. Повалишина. „Архивный кружокъ“ обыкновенно собирался у него часовъ съ 11 и занятія продолжались часовъ до 4-хъ. А. Д. былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ и способнѣйшихъ учениковъ изъ всего „архивнаго кружка“. Онъ быстро научился читать рукописи и никто больше его за недѣлю (обыкновенно брались столбцы домой для „перевода“ или переписки) не могъ переписать столько, сколько успѣвалъ А. Д. И когда у него хватало времени и терпѣнья практиковаться этимъ. Тетради его были писаны имъ старательнымъ, доступнымъ для прочтенія почеркомъ, обыкновенное же его письмо могли читать только рѣдкіе,— такъ оно было обыкновенно неразборчиво.

Среди своихъ постоянныхъ общественныхъ, служебныхъ и не служебныхъ занятій А. Д. Повалишинъ очень много писалъ по земскимъ вопросамъ и, по обязанности члена Архивной Комиссіи, работалъ много надъ архивнымъ матеріаломъ по выясненію различныхъ вопросовъ нашей общественной жизни. „По самому складу ума вдумчиваго и пытливаго, наклоннаго къ обобщеніямъ, говоритъ кн. Н. С. Волконскій, его, Повалишина, должно было тянуть къ занятіямъ научнаго характера, по вопросамъ, на которые наталкивала его мысль и дѣйствительность. А. Д. занимался литературными работами съ увлеченіемъ, почти со страстью, которая, казалось, съ годами становилась все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ становилось труднѣе проводить желанные идеалы въ жизнь; неудовлетворенная мысль точно искала утѣшенія въ вѣчныхъ законахъ исторіи, если не измѣнявшихъ, то объяснявшихъ дѣйствительность“.

Расцвѣтъ его литературной дѣятельности, какъ разъ совпадаетъ со временемъ, когда онъ, въ трехлѣтіе 1886—1888 г., былъ свободенъ отъ обязанностей гласнаго. Въ это время А. Д. успѣлъ напечатать 2 выпускъ „Опыта разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“ и много статей въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи; составить сводъ дѣйствующихъ постановленій рязанскаго губернскаго собранія“, къ каковому потомъ еще сдѣланы имъ 4 дополненія и Обозрѣніе двадцати-пяти-лѣтней дѣятельности земства рязанской губерніи.

„Сводъ дѣйствующихъ постановленій, по оцѣнкѣ нынѣшняго Предсѣдателя губернской управы, лучшаго знатока земскаго дѣла современнаго состава, кн. Н. С. Волконскаго, даетъ практически совершенно необходимую книгу такого достоинства, какою, насколько ему извѣстно,

не располагаетъ ни одна губернія. „Обозрѣніе“ же содержитъ много очень цѣннаго матеріала для сопоставленія того что дѣлалось по различнымъ отраслямъ земскаго хозяйства въ рязанской губерніи до введеденія земскихъ учрежденій и что сдѣлано земствомъ (Вѣстникъ Евр. 1899 г. № 9). Кн. Л. Н. Гагаринъ, старѣйшій представитель губенскаго земства, къ оцѣнкѣ кн. Н. С. Волконскаго добавляетъ, что „Сводъ земскихъ постановленій“ и „Обзоръ дѣятельности земства“ служатъ намъ руководствомъ въ нашихъ постановленіяхъ. Наконецъ, назначенная губернскимъ собраніемъ въ 1889 г. Комиссія для оцѣнки вышеупомянутыхъ трудовъ Новалишина нашла, что оба вышепоименованныя изданія должны быть признаны вполнѣ достигающими цѣли для которой они были предприняты: „Сводъ“—служить практическимъ руководствомъ въ дальнѣйшей дѣятельности земства, „Обозрѣніе“—дать вѣрную картину того, что сдѣлано земствомъ за истекшее 25-лѣтіе. Собраніемъ Сводъ утвержденъ и принятъ къ руководству. (Журн. собр. 1889 г.). Въ 1885 и 1887 году вышли посвященные памяти кн. С. В. Волконскаго два выпуска, подъ названіемъ „Опытъ разработки матеріаловъ для исторіи рязанскаго губернскаго земства“. „Опытъ“ составленъ по архивнымъ матеріаламъ, отчасти находящимся въ историческомъ архивѣ, и въ немъ авторъ повѣствуетъ о томъ, какъ удовлетворялись земскія нужды въ дореформенное время. Трудъ этотъ самимъ авторомъ расчитанъ на *знатоковъ* и *любителей* земскаго дѣла. Этими трудами А. Д. Новалишинъ пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность во всей земской Россіи.

Кромѣ этого А. Д. Новалишину принадлежитъ большая часть статей, помѣщенныхъ съ 1885 по 1899 годъ въ Трудахъ Комиссіи. Назовемъ болѣе заслуживающія вниманіе: 1) Училище земляного битнаго строенія (Тр. Ком. 1885 г., стр. 77—78); 2) Чертежное отдѣленіе для гражданской службы при рязанскомъ дворянскомъ воспитательномъ заведеніи (Тр. Ком. 1885 г., стр. 95—97); 3) Участіе рязанскаго дворянства въ крестьянской реформѣ (Тр. Ком. 1887 г., вып. I—III, стр. 35, 63, 167); 4) Дѣло о губернскомъ секретарѣ Алексѣевѣ (Тр. Ком. 1887 г., стр. 76); 5) Неповиновеніе крестьянъ помѣщику Демидову (Тр. Ком. 1888 г., стр. 36); 6) Дѣло о кн—зѣ Г—ѣ (Тр. Ком. 1888 г., стр. 103); 7) Очерки крѣпостнаго права: а) возмущеніе крестьянъ помѣщика Нарышкина; б) происшествіе въ имѣніи Жилинскаго (Тр. Ком. 1888, стр. 131); в) Жестое обращеніе помѣщиковъ съ своими крестьянами (Тр. Ком. 1896 г., в. II, стр. 108—128); 8) Побѣги крѣпостныхъ (Тр. Ком. 1889 г., стр. 82); 9) Дѣло крестьянъ кн. Долгоруковыхъ (Тр. Ком. 1890 г., стр. 23); 10) Свободные хлѣбопашцы въ рязанской губерніи (Тр. Ком. 1892 г., стр. 1—7; 17 - 23; 33—41); 11) Неповиновеніе крестьянъ помѣщичьей власти (Тр. Ком. 1895 г., стр. 119—126, 137—145);

12) Вольноотпущенные (Тр. Ком. 1890 г., стр. 130); 13) Пожеланія дворянъ пронскаго уѣзда въ 1857 г. (Тр. Ком. 1894 г., стр. 26—41); 14) Рязанскіе поднадзорные въ 1858 г. (Тр. Ком. 1889 г. стр. 132); 15) Подписка на памятникъ тысячелѣтія Россіи (Тр. Ком. 1889 г. стр. 158); 16) Состояніе рязанской губерніи въ половинѣ XIX столѣтія (Тр. Ком. 1895 г., в. II, стр. 207—218); 17) Къ исторіи земскихъ учрежденій (Тр. Ком. 1892 г. стр. 55—56) и 18) Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (Тр. Ком. 1895 г., в. I, стр. 1—29; 1899 г., в. I, стр. 1—54) *).

Но всѣми этими печатными трудами исчерпана Повалишинымъ только часть того матеріала, который остался собраннымъ послѣ его смерти. Мы уже говорили выше, что для Обозрѣнія 25-лѣтія земства Повалишинымъ собрано такъ много матеріала, что всѣ подробности собранныхъ документовъ и матеріаловъ не могли быть исчерпаны: въ „Обзоръ“ вошло лишь наиболѣе существенное. (Журн. собр. 1889 г., стр. 2—3). Кн. Н. С. Волконскій разсматривалъ бумаги Повалишина и пришелъ къ заключенію, что А. Д. толко часть работъ издана по изслѣдованію земскаго хозяйства въ „Опытахъ разработки матеріаловъ по рязанскому земству“, но большая часть ихъ еще не издана, а нѣкоторая часть не приведена въ тотъ законченный видъ, который требуется для печатанія. Князь Волконскій находитъ, что матеріалы эти представляютъ большую цѣнность. Въ запискахъ А. Д. изслѣдована не только земская жизнь, но и жизнь того строя, который предшествовалъ земству и который имъ смѣненъ: бытъ помѣщиковъ и крестьянъ и ихъ отношенія между собою въ послѣднее время крѣпостнаго права **). Часть этихъ матеріаловъ использована въ ст. А. Д. Повалишина: Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные (Тр. Ком. 1895 г., в. I, стр. 1—29; 1899 г., в. I, стр. 1—54). Трудъ этотъ долженъ былъ заключать по предположенію А. Д. болѣе 30 печатныхъ листовъ. Въ послѣдніе дни и даже часы, больной, когда дни и часы жизни его были сочтены, А. Д. работалъ съ небывалымъ подъемомъ духа, не чувствуя усталости: онъ подготовлялъ продолженіе

---

*) Обзоръ этихъ трудовъ оставляемъ до другого времени.

**) «Труды эти, говорилъ кн. Волконскій губернскому земскому собранію крайне важны, но они не такого рода, чтобы стоимость изданія ихъ могла окупиться и чтобы, слѣдовательно, изданіе это могло быть исполнено на средства частныхъ лицъ. Только небольшое число людей прочтутъ такого рода изслѣдованія и вынесутъ изъ нихъ ту пользу, которая имѣлась въ виду авторомъ. Эти изслѣдованія несомнѣнно помогутъ людямъ заинтересованнымъ разобраться во многихъ вопросахъ существенно важныхъ для земской и общественной жизни и въ конечномъ результатѣ повліяютъ на эту жизнь. Онъ, кн. Волконскій, думаетъ, что рязанскому земству, цѣнящему дѣятельность покойнаго всего приличнѣе было бы почтить его память, принявъ такое изданіе на земскій счетъ.

своей работы къ слѣдующему II вып. Трудовъ Архивной Комиссіи за 1899 г., который долженъ былъ выйти въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Но ему, не суждено было кончить эту работу: смерть, давно слѣдившая за своею жертвой, подкралась къ нему, когда здоровая и умная мысль горѣла и проспилась на бумагу... Онъ умеръ надъ этой работой.

Въ послѣдніе годы А. Д. Повалишинъ мечталъ начать веденіе „записокъ земца". Мысль эта назрѣла у А. Д. еще до 1892 года, можетъ быть, одновременно съ составленіемъ имъ „Обозрѣнія 25-лѣтней дѣятельности рязанскаго земства" въ 1888 и 1889 г.г. Въ 1892 г. въ его ст. „Къ исторіи земскихъ учрежденій", помѣщенной въ Трудахъ Рязанской Архивной Комиссіи за тотъ же годъ (стр. 55—56) мысль эта проведена Повалишинымъ печатно: Въ Высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату 12 іюня 1890 года сказано, что дѣятельность земскихъ учрежденій „во многомъ принесла пользу населенію, но 25-лѣтній опытъ убѣдилъ, что въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ учрежденій, есть недостатки, препятствующіе правильному ихъ развитію". Такимъ образомъ, писалъ Повалишинъ, и полезная сторона дѣятельности земскихъ учрежденій и недостатки ихъ, насколько то и другое находится въ зависимости отъ опредѣленій закона—установлены. Но, помимо закона, положительная и отрицательная стороны обрисовываются въ способахъ дѣйствій тѣхъ лицъ, которыя завѣдывали дѣломъ, въ порядкѣ примѣненія закона. Это обстоятельство въ жизни земскихъ учрежденій имѣетъ довольно крупное значеніе, ибо при дѣйствіи одного и того же закона могутъ быть и положительные и отрицательные результаты, смотря потому, кто и какъ примѣняетъ этотъ законъ. Эта сторона въ исторіи дѣятельности земскихъ учрежденій мало разработана, такъ какъ время для сего еще не наступило; но собирать подходящій къ тому матеріалъ—слѣдовало бы начать теперь же, иначе онъ можетъ утратиться" (стр. 55—56), Далѣе А. Д. описываетъ одинъ изъ таковыхъ эпизодовъ въ рязанской губерніи.

Въ эту мысль посвятилъ Повалишинъ А. Н. Левашева. Какъ-то, въ декабрѣ 1898 года, А. Н. Левашевъ зашелъ къ Повалишину вечеромъ. А. Д. стало легче послѣ тяжелаго приступа болѣзни. А. Н. Левашевъ нашелъ въ А. Д. опять прежняго товарища, полнаго духовныхъ силъ и бодрости, съ такимъ же все увлекающимся порывомъ къ жизни и ея лучшимъ задачамъ, пылкаго студента съ опытностью мужа, много пережившаго и много передумавшаго и перечувствовавшаго. Они разговорились о жизни, о сдѣланныхъ и предстоящихъ работахъ. А. Д., между прочимъ, высказалъ, что однихъ оффиціальныхъ сборниковъ, докладовъ, журналовъ и изслѣдованій недостаточно для освѣщенія и изученія земской жизни: необходимы для полноты ея расказы очевидцевъ, живыхъ людей о лицахъ и событіяхъ

видѣнныхъ и слышанныхъ, и именно въ томъ видѣ, какъ они были на самомъ дѣлѣ и что чувствовалось и думалось при пережитіи этихъ событій. А. Н. Левашевъ вполнѣ проникся этою мыслью и они тогда же рѣшили начать съ А. Д. работу эту вмѣстѣ и параллельно.

Но что сдѣлано А. Д. Повалишинымъ въ этой области—пока неизвѣстно.

Равнымъ образомъ, могли быть мною не отмѣчены или мало и не такъ рельефно отмѣчены еще нѣкоторыя черты его общественной и служебной дѣятельности. Восполненіе всего этого будетъ лежать на обязанности того лица, которому будетъ поручено составленіе біографіи А. Д. Повалишина, имѣющей быть приложенной къ полному изданію его сочиненій.

Мысль объ изданіи сочиненій А. Д. всецѣло принадлежитъ кн. Н. С. Волконскому. 20 іюля 1899 года друзья и почитатели покойнаго А. Д. Повалишина, собравшись, по приглашенію кн. Н. С. Волконскаго, въ помѣщеніи губернской управы, рѣшили собрать для біографіи почившаго возможно подробныя воспоминанія отъ лицъ близко знавшихъ почившаго и издать все имъ написанное, дабы этимъ способомъ навсегда сохранить въ рязанскомъ краѣ память о покойномъ А. Д., какъ общественномъ дѣятелѣ. Осуществленіе этой мысли стало вполнѣ возможнымъ, такъ какъ на изданіе сочиненій Повалишина „вслѣдствіе заслугъ покойнаго по рязанскому земству“ матеріально пришло губернское земство *).

Въ своей исторической справкѣ объ общественной дѣятельности А. А. Повалишина мы особенно мало коснулись личной жизни покойнаго. Краткость времени, въ которое пришлось намъ приготовить свой трудъ для повременнаго изданія Архивной Комиссіи, не дала возможности обратиться къ людямъ близко знавшимъ покойнаго, которые могли-бы дать для полной біографіи свои воспоминанія. А полная біографія именно и должна быть разсказана со словъ лицъ, близко знавшихъ его общественную и личную жизнь со школьной скамьи.

Къ этимъ близко знавшимъ покойнаго лицамъ, къ его друзьямъ,

---

*) Губернское земское собраніе 1 и 3 декабря 1899 г. на этотъ предметъ открыло въ распоряженіе Архивной Комиссіи кредитъ до 3000 руб.

почитателямъ и товарищамъ по школѣ и общественной дѣятельности, мы обращаемся съ покорнѣйшею просьбою прислать свои воспоминанія и замѣтки о покойномъ А. Д. Повалишинѣ въ Рязанскую Ученую Архивную Комиссію.

1—18 декабря 1899
Рязань.